

The background of the cover is a detailed illustration of a post-apocalyptic or war-torn landscape. In the foreground, a man and a woman in military-style clothing are walking. The man is wearing a headband and carrying a rifle, while the woman is also wearing a headband and carrying a rifle. They are walking past a damaged brick wall on the left. In the background, there are ruined buildings, power lines, and a large, bright, glowing light source in the sky, possibly a sun or a fire, with a large lightning bolt striking down. The overall tone is somber and dramatic.

Александр Шакилов

[ГЕРОИ ЗОНЫ]
ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ

Апокалипсис-СТ

Александр Шакилов

Земля ветеранов

«Автор»

2013

Шакилов А.

Земля ветеранов / А. Шакилов — «Автор»,
2013 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-077939-0

Закона больше нет, зато у всех и каждого есть оружие. Это Вавилон, рай для тех, кому нужна свобода. Но однажды в раю появились демоны... Президент страны, торговец наркотиками и мальчишка-беспризорник – что у них общего? К войне с кем готовятся сильные мира сего? И почему пропадают подростки? Никто не знает. Одно точно – Макс Край снова в деле. Значит, есть надежда найти ответы?..

ISBN 978-5-17-077939-0

© Шакилов А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Шакилов

Земля ветеранов

© А. Шакилов

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Глава 1

Полет валькирий

Может, он торговец органами?

Мясники обладают такой харизмой, что хочется вприпрыжку мчать в разделочный цех, рассказывая, чем болел в детстве, и – мамой клянусь! – уверяя, что ведешь здоровый образ жизни. Так что вряд ли. Однако проверить не помешает.

Не сводя глаз с подозрительного парня лет двадцати с мелочью, я взял стакан.

Худощавый, рост средний. Несмотря на годы, одет как пацан из переулка по соседству: просторные штаны, кроссовки с драными шнурками, черная бандана с белыми черепами... Короче говоря, он мне сразу не понравился.

Запотевшее стекло – побольше льда, поменьше виски – коснулось губ, но и только. Давно не употребляю ничего горячительней чая, однако реноме гуляки-мачо поддерживать надо. А ведь когда-то я выпивал за раз по полфляги перцовки. Были же времена, и куда все сгнуло?..

Покачиваясь в такт музыки, «мясник» в бандане лениво кружил по танцполу в стороне от размалеванных нимфеток и их ухажеров, почти достигших призывного возраста. И вроде ничего особенного в его внешности и жестах – одежда не в счет, но ведь почему-то я прикипел взглядом?

Есть у меня такая черта характера – доверять интуиции. Да и плохая примета, если клиент начинает раздражать. Плохая – для клиента.

Но пора бы уже и представиться, да?

Я тот мужчина в пятнистых штанах, куртке цвета хаки и ботинках с высокими берцами – эдакий завсегдатай показов мод от кутюр в местном военторге. Это мои мышцы без грамма жира утонули в кожаном диване в окружении полуголых блондинки и брюнетки. А зовут меня Максим Краевой. Для друзей – Макс Край. И все тут – стены, колонки и стойка бара, столики и оборудование диджея, замутившего микс из регги и еще бог знает чего, – мое. Добро пожаловать в клуб «Янтарь».

Стакан вернулся на стол, и блондинка, – как ее зовут, а? – на миг обогнав брюнетку, ослепительно улыбнулась:

– Максик, тебе обновить?

Легонько хлопнув ее по попке, я мотнул головой – типа утолил жажду, спасибо.

«Мясник» как раз проследовал к стойке, где заказал бокал многоцветной бормотухи для мажоров – с карамельной трубочкой и зонтиком из бамбука и бумаги. Пошептавшись там с самым обычным пацаном лет четырнадцати, он залпом влил в себя коктейль и, не оглядываясь, двинул к сортиру. Пацан же – похож чем-то на Патрика, пару дней не виделись, скучаю – неуклюже соскочил с высокого табурета и зарысил следом.

Ему тоже захотелось пи-пи? Вот она, мужская солидарность.

– Девчонки, мне нужно припудрить носик. – Я вынырнул из дивана и, напевая под нос «Неба утреннего стяг, в жизни важен первый шаг»¹, двинул к двери с медными буквами «W» и «C».

Скрип петель прорвался даже сквозь гул басов и рваный ритм дабстепа. Надо бы смазать, мы ведь солидное заведение, а не изба-читальня для пионеров.

Я вошел – в носшибануло хлоркой – и обомлел.

Молодые люди совсем оборзели. Даже не уединились в кабинке, прямо у рукомойников с зеркалами своими грязными делишками занялись.

¹ Слова из песни «И вновь продолжается бой». Музыка – А. Пахмутова, слова – Н. Добронравов.

– Третьим буду, – заявил я, подруливая ближе.

Дежурная улыбка прилипла к лицу.

Тот, который в бандане, заслонил подростка – клиента? – спиной, но я все же успел сфотографировать, как он передал прозрачный пакетик с белым порошком. Зуб мудрости даю, нет, целую челюсть, что порошок этот вовсе не ванильный сахар и не мука с крахмалом.

Терпеть не могу наркоманов, а от вида барыг у меня вообще изжога. И ладно бы сами себе жизнь гребили, так ведь и других подсаживают, СПИД разносят, грабят... Так что придется задать этим чмошникам такую трепку, что держите меня семеро. Хорошо бы я ошибся, и эти парни всего лишь «голубки» или дебилы от рождения. Влюбленным я пожелал бы приятной ночи, а умственно отсталым вручил бы по трехлитровой банке энергетика за счет заведения.

Запомните, если вы решитесь прокутить в моем клубе сотню-больше евро, вам придется уважать правила поведения Макса Края в общественных местах.

Это очень простые заповеди:

1) «Янтарь» – территория, свободная от насилия. Хотите разборок – идите на улицу.

2) «Янтарь» – заведение без наркоты. У вас ломка – так катитесь к черту.

Все, больше правил нет. Приспичило потрахаться в сортире? Да без проблем, там есть автомат с презервативами. Желаете напиться в зюзу? Уважаю ваш выбор, с радостью поднесу тарелку с оливье, чтоб было куда упасть лицом.

Но – никаких стволов и ни миллиграмма драгса.

Это железно.

– Дай сюда. – Я протянул руку ладонью вверх, чувствуя, как моя улыбка превращается в гримасу отвращения.

– Нет, мое же. – Наверное, это из-за освещения мордаха покупателя посерела, а прыщи на ней обозначились четче. – Мое же! Нет!

Его жалкое повизгивание меня расслабило.

И напрасно.

Я едва увернулся от удара кастетом в висок – прыщавый не такой уж слабак, каким хотел казаться. Решительный парнишка. Вынырнув из-за спины торговца порошком, он готов был отправить меня на тот свет без малейших раздумий и сожаления. Вот и я с ним не церемонился: хуком слева в челюсть сшиб с ног, да и все. Пытаясь подняться с кафеля, он выплюнул пару зубов, добавив работы уборщице, после чего я уговорил его не вставать – носком армейского ботинка по роже. Если в его черепе есть хоть одна извилина, ее можно отремонтировать по гарантии.

А вот у торговца наркотиками со смекалкой точно полный порядок. Сообразив, что грубить мне не стоит, он вмиг задрал лапки. Молодец. И все же я подстраховался, врезав ему хорошенько разок-другой по ребрам. И правильно сделал – из рукава диллера выпал электрошокер, который приласкал бы меня, отвернись я хоть на миг. А потом в сортир ворвалась доблестная охрана.

– Босс, работают профессионалы, не мешайте. – Меня вежливо оттер к двери громила с квадратной челюстью, овальными бицепсами и всем прочим геометрическим, в футболке с надписью «SECURITY» и тренировочных штанах с лампасами.

Его напарник, – прямо-таки брат-близнец, а ведь даже не однофамильцы! – вытащил из заднего кармана джинсов прыщавого пакетик с дурью и передал мне.

Я хотел тут же утопить эту дрянь в унитазе, но замешкался, заметив на прозрачном полиэтилене нечто любопытное, – чуть размазанный синий штампик: схематическая фигурка ангела с крыльями.

Типа «ангельская пыль»? Кажется, по науке – фенциклидин. Да какая, хрен, разница? Наркота, она и есть наркота, как ее ни назови.

Конфисковав кастет и шокер, охрана чересчур резво подняла с пола дилера и его клиента – тело в бандане, не устояв на ногах, рухнуло на меня.

Я брезгливо оттолкнул его:

– Выбросьте этот мусор на помойку и больше в клуб не пускайте.

Синхронно кивнув, геометрические не однофамильцы поволокли парочку к черному выходу. Это правильно, нечего нормальных клиентов смущать. Я же собрался обратно на любимый диванчик, чтобы вспомнить-таки имена сегодняшних подруг. Не верьте тому, кто скажет: «Есть в этом мире кое-что приятней парочки красоток в объятьях». Не верьте, если этого лжеца зовут не так, как меня.

Увы, девушек я оставил на потом.

Не стоит торговца и наркошу лишать знаменитой напутственной речи Макса Края.

Охрана как раз спустила сладкую парочку по лестнице, препроводив в переулок, едва подсвеченный единственным прожектором с крыши клуба. Там их поставили на колени у зловонных мусорных баков, забитых по самый верх. Хвостатые мяукающие тени недовольно метнулись прочь. Вдалеке стреляли – у кавказского землячества сегодня праздник, ничего серьезного.

Это же Вавилон. Зона, свободная от Закона. Когда-то этот город назывался иначе, но его обитатели самым новым названием кинули вызов власти.

Я скрестил руки на груди:

– Эй ты, ублюдок в бандане, к тебе обращаюсь, не вороти морду. Никогда больше здесь не появляйся, даже близко не подходи. Здесь такого дерьма не надо.

Потом повернулся к парню, чем-то похожему на Патрика:

– А ты бы завязывал с дурью – целее будешь.

Он демонстративно высморкался, зажав указательным пальцем сначала одну ноздрю, затем вторую.

Вот на кой я трачу время на проповеди?

– И на дантисте сэкономишь. Лучше в спортзал запишись, а нет – так пивка попей, с девчонками позажигай, но не гробь себя. Или на работу устройся и... – Я понял, что ляпнул лишнего. Чуть ли не половина населения нашей убогой страны прозябает от пособия до пособия или на ветеранскую пенсию. И потому корить парня тем, что он бездельник, – это уже перебор.

– Босс, все?

Я махнул охране – мол, финита ля комедия, а сам уже собрался обратно в клуб.

Меня остановил окрик:

– Край!

Наткнувшись взглядом на ухмылку торговца в бандане, я услышал:

– Напрасно ты так, Край. Ведь мы еще встретимся.

– Только если ты – самоубийца. Увижу еще раз – всажу пулю в голову. – Мне очень не понравилось, как этот урод разговаривает со мной. После заданной трепки ему следовало быть почтительней.

Однако на прощание он поднял над головой руку с оттопыренным средним пальцем. И я бы даже возмутился, и приказал бы охране проучить наглеца, а то и сам бы... Вот только на запястье у него блеснуло нечто, что заставило меня забыть об оскорблении.

«Bregguett».

Достойные куранты: корпус из белого золота, сапфировое стекло, ремешок крокодиловой кожи.

У меня вот никогда толковых наручных часов не было, но на одном сайте я их внимательно рассмотрел, а потом в солидном магазинчике на Барабане, в торговой зоне, доступной для посетителей, даже примерил как-то. Но не купил. Тридцать с довеском тысяч евро такие

стоят. Так что показалось мне, обман зрения это, а не «Bregguett» на руке дилера. Хотя... Может, я чем-то не тем по жизни занимаюсь?..

Когда я очнулся, ублюдок в бандане и его малолетний клиент скрылись в ночи. Меня же дергал за руку здоровенный качок-охранник, выпрашивая разрешения надрать козлам задницу.

Точно. Надрать.

Что я и сделал тут же, не заходя в клуб, – высказал секьюрити все, что я думаю об их профессионализме: шлятся тут всякие, и вообще, и в целом. Охрана послушно опустила очи долу – шеф грозен, его надо бояться. Натренировались, сволочи, выказывать смирение. Ну да они лучшие сволочи в этом городе. Хорошие ребята. Я их очень ценю, только им об этом знать не следует, а то еще попросят прибавки к зарплате.

– Босс, порошок выкинуть надо.

– Да, босс, избавиться бы от порошка.

– Точно, – кивнул я, хлопая себя по карманам. – Вот только где я его...

Так-с, вспоминаем. В сортире охранник мне передал пакетик. Я держал эту дрянь в руке, потом на меня упал урод в бандане, а потом...

Черт! Он как-то сумел отжать у меня свою наркоту!

Рассвирепеть и вновь сделать втык охране мне помешал мобильник. Мерзкая трубка завибрировала во внутреннем кармане куртки. Я замер, мысленно моля, чтобы рингтон, который последует за вибро, оказался не «Полетом валькирий» Вагнера. Пожалуйста, только не эта мелодия, ведь она выставлена на...

Заиграл именно «Полет валькирий».

Охранники дружно хмыкнули и заулыбались в предчувствии особого шоу.

Не сумев сдержать стон, я вытащил из кармана трубку и уставился на экран – а вдруг случится чудо, и я увижу на нем другое имя?

Увы, чуда не случилось, поэтому я просто сбросил вызов.

Телефон тут же зазвонил опять. Я сбросил. Трубка вновь завибрировала. Охранники уже откровенно хихикали. Я почувствовал, что краснею, нет, пожалуй, даже багровею.

Выругавшись сквозь зубы, я таки ответил на вызов:

– Здравствуй, любимая. Рад тебя слышать.

И тут же отвел трубку от уха.

Зачем я это сделал? Ну, просто я отлично знаю, что Милену – а звонила именно она – жутко раздражает, когда я называю ее любимой, и она не упустит шанса высказать мне все, что она обо мне думает. А с тех пор, как мы окончательно расстались, бывшая супруга думает обо мне исключительно плохо и желает при редких встречах отнюдь не здоровья и долгих лет.

Она долго измывалась надо мной, а я стойко терпел – из-за нашего сына, в котором мы оба души не чаем. Она сама назвала его тем дурацким именем, я не при чем, оно мне, как и нашему пацану, никогда не нравилось, но с Миленой тяжело спорить... С ней вообще тяжело. И потому однажды я ушел из семьи и не вернулся.

Из трубки больше не доносилось ни звука.

Я поднес ее к уху:

– Да, любимая, ты, как всегда, права.

Пару секунд длилось молчание.

– Макс, ты слышал хоть что-нибудь из того, что я сказала?

Станный какой-то голос у Милены. Она чуть ли не впервые говорила как нормальный человек, а не как первостатейнейшая стерва, задавшаяся целью испортить мне жизнь.

Подумав чуть, я ответил честно:

– Не-а. Ни слова.

– Макс... – Пауза. Потом всхлипы. – Макс, наш сын... Патрик пропал.

* * *

Его окружили быстро и тихо. Умело так окружили – без суеты, не вспугнув заранее.

Да уж, глупо вляпался, очень глупо.

Уже сгущались сумерки, когда на безлюдной улице к нему подбежал рыдающий мальчишка лет десяти или чуть старше: дырявый свитерок с Микки Маусом, кепка козырьком назад, на лице россыпь веснушек. Сквозь рыдания Заур разобрал, что на старшую сестренку мальчика напали какие-то уроды, затащили ее в подвал, помогите, ну, пожалуйста, помогите.

Ни секунды не раздумывая, Заур тут же велел пацану показать, где и как все произошло.

Бегом – арка, закоулок, подъезд, пропахший мочой, лестница вниз – и вот он в грязном вонючем подвале. Здесь затхло и влажно, в углу пищат крысы, изоляция труб ободрана, кло-чьями свисает гнилая стекловата. А вокруг Заура – с десяток ветеранов: кто в камуфляже, кто просто в тельняшке, а один даже броник напялил. При взгляде на лицо последнего Заура передернуло вовсе не из-за уродливых бородавок на лбу у того, сломанного носа и щеки, порванной так, что обнажились источенные кариесом зубы. Знакомое лицо, очень знакомое...

Он заставил себя отвести взгляд, чтобы не выдать особый интерес к этому грешнику.

Так, а чем его тут встречают? Понятно, что не хлебом-солью, но... Ножи, достойные называться мачете и мечами, заточенные арматурные прутья, бейсбольная бита... Огнестрела не видно – похоже, бандиты считают Заура совсем уж несерьезным клиентом: любимого оружия подростковых банд более чем достаточно, чтобы напугать его до расслабления сфинктеров. Вот и пацан, что только-только размазывал по лицу сопли, хохочет за спиной, лохом называет, чудилой, которого сам бог велел проучить.

А вот это зря. Не надо на Господа напраслину возводить. Уж Заур-то точно знает, что ни к чему такому высшие силы не причастны.

– Слышь, чё головой вертишь? – Все молчат, один малец надрывается. – Снимай котлы, баблос давай!

В общем, глупо вляпался, глупее некуда. Если быть честным, то непрофессионально глупо. Слишком уж нарочито. Вот только времени не было корчить из себя типа крутого. И так почти целый день потратил, кружа меж высоток и старых, давно ожидающих сноса хрущоб.

– Уважаемые, предлагаю разойтись по-хорошему. – Заур сунул в карманы плаща кисти рук, затянутые в черную кожу перчаток. В эти карманы можно по килограмму картофеля засунуть, и незаметно будет, такие они глубокие. – Это ведь досадное недоразумение, вы всего лишь пошутили, верно?

– У него с головой проблемы, вот ей и вертит! – Малец все не унимался.

Заур решил не обращать на него внимания:

– И тогда инцидент будет исчерпан, верно? Я не стану арестовывать вас, и никто не попадет к работаровцам.

Вообще-то, подобные компромиссы против его принципов. Заур считает, что каждый грешник должен получить по заслугам уже здесь, на Земле. Но если собравшиеся в подвале действительно раскаются, почему бы и нет?.. С тех пор как правительство объявило всеобщую амнистию и закрыло тюрьмы под предлогом, что в бюджете нет средств на их содержание, преступников отправляют на принудительные работы под присмотром так называемых «работаровцев» – заковывают в колодки и заставляют, к примеру, ремонтировать дороги или собирать огурцы. Или батрачить на цементном заводе. Или чистить городскую канализацию.

Но это касается только тех, кто запятнался мелким правонарушением.

– Так ты, вроде как, палач, да? – Мужчина в бронежилете на голое тело отпустил мальцу подзатыльник, чтобы заткнулся. – Так у нас тут палачей ненавидят.

– И это взаимно, – кивнул Заур.

Его ответ вызвал очередной всплеск веселья. На сей раз хохотали все, а не только полумный мальчишка.

– Слышь, юродивый, – вытерев слезы, выдавил из себя грешник в бронеке, – выверни уже карманы, не стесняйся. А то давай-ка разденься. Плащ у тебя хоть и хреновый, но по нынешним временам любая добыча стодится. Экономический кризис как-никак.

Смеются, значит, не принимают Заура всерьез. Как же, он ведь высокий и тощий – аж щеки впали – очкарик. Причем очки у него с толстенькими линзами: разбей их – и крот похвастается куда лучшим зрением. А еще Заур хромает – бандиты наверняка заметили это, когда он явился сюда, вроде как бы на выручку несуществующей девушке. К тому же, он лысый, как колено, голова аж блестит – там, где нет шрамов. Так кто в здравом уме воспримет его всерьез? Да он сам над собой подшучивает, когда смотрит в зеркало. К тому же, Заур впервые в этой части города, его тут не знают.

И все же напрасно эти хищники киевского дна так обрадовались.

Ведь в данной ситуации жертва вовсе не Заур.

Наоборот – это им всем, с ножами и арматурой, не повезло оказаться рядом с ним.

И самый главный неудачник – тот закоренелый грешник, за которым Заур подался в чужой район на другом конце столицы. Из-за него палач с утра до заката бродил по загаженным улицам с отрешенным видом, корча из себя первостатейного простака, которого не обобратить просто грех. Он столько раз доставал на публике неприлично толстый бумажник, что мог бы вообще не прятать его.

Удача улыбнулась Зауру лишь под вечер, после полутора десятков подкатов разного рода жуликов и гоп-стоперов. Бывалый бандит в бронежилете, едва не лопавшемся на брюхе, – вот его цель.

Единственная лампочка, освещающая этот сектор подвала, зажужжав, моргнула.

– Покойтесь с миром. – Заур выстрелил, не вынимая рук из карманов, где только и ждали подходящего момента «микро-узи», снятые с предохранителей еще у лестницы.

Два по двадцать патронов, выскочив из магазинов, чуть ли не мгновенно лишились своих пуль, из-за чего в ключья разодрало не только плащ палача, но и плоть грешников. Заур дернул головой влево – и мимо, едва не провалив ему затылок, порхнул в подвальный полумрак ржавый арматурный прут. Это была единственная контратака. Больше никто даже не попытался дать отпор – не ожидали такой прыти от тощего очкарика-хромоножки. Пришлось разок перезарядиться и повернуться вокруг своей оси, чтобы никто – кроме толстяка-урода в бронеке и мальчишки – не остался без своей порции полуболоченных стальных сердечников.

И двух секунд не миновало, как бандиты – за редким исключением – отошли в мир иной, и не в горние выси, но куда глубже фундамента отправились их неправедные души. Пустые магазины упали на пол, с щелчками их заменили полные. Лишь только после этого Заур сунул «микробики» – так ласково он называл свое оружие – в кобуры под мышками.

– Опять пришивать новые карманы. В шестой раз за неделю. – Он шагнул к толстяку, которому бронежилет помог, как пойманному карасю – подсолнечное масло на сковородке. Если бы из продырявленного живота вместо коктейля из лимфы и эритроцитов тек жир, раненый уже избавился бы от всех излишеств на талии. – Ну да оно того стоит, верно?

В ответ слышались отборнейшие проклятья, перемежаемые богохульством. Закончился монолог хрипами и бульканьем, когда изо рта толстяка хлынула кровь.

Чуть в стороне, забившись в угол, жалобно скулил пацан.

Больше живых, не считая крыс и самого Заура, в подвале не было.

– С-су-к-к-а-а... – слово буквально выплеснулось изо рта бандита в бронеке.

Похоже, у палача не так уж много времени, чтобы поговорить с ним по душам. Заур присел на корточки рядом с умирающим грешником.

Из угла раздалось что-то вроде рычания. Палач скосил взгляд. Это пацан. Подобрался весь, сжал кулаки:

– Не надо! Не трогайте папу!

У толстяка, значит, есть сынок?.. Заур на миг задумался. Впрочем, это ничего не меняет.

Он достал Знак, сунул умирающему под нос, чтобы точно увидел. Знак этот простой, издавека узнаваемый. Что-то вроде рыцарского щита, основы с герба средневекового крестоносца. На щите – выпуклое изображение деревянной колоды, рядом с ней стоит человек в колпаке, закрывающем лицо, но с прорезями для глаз. В руках у человека здоровенный топор. И крупно сверху надпись красной запеченной эмалью: «Закон суворий, але це закон»². Увесистая штука. Таскать ее с собой – не только служебная обязанность Заура, но и... А чем не верига? Опять же, можно вместо кастета использовать, проверено.

– Десять лет назад, – он перешел сразу к делу, – ты, толстый, участвовал во Всеобщей Войне Банд, верно?

В ответ толстяк довольно метко плюнул. Тыльной стороной ладони Заур вытер с лица сгусток чужой крови. Пожалуй, в иной ситуации он убедил бы грешника, что так поступать не следует, но сейчас дорога была каждая секунда.

– Вы устроили перестрелку на Крещатике, взорвали с полсотни авто, что были припаркованы рядом и проезжали мимо, – вам надо было перекрыть дорогу враждебной группировке, верно? Конкретно ты, толстый, – Заур ткнул пальцем в бронежилет, – участвовал в той бойне, я запомнил твою уродливую рожу, уж очень она примечательная. Но я не знаю, кто руководил той бандой, что устроила беспредел в самом центре города. Как звали вашего командира, где его найти? Он мне должен... Он должен понести наказание.

– Да пош-шел ты! – На багровых губах бандита расцвела мерзкая улыбка.

– Еще один такой выбрык, и я... – Заур выразительно посмотрел на мальчика: – Как тебя зовут, малыш? – Не дождавшись ответа, перевел взгляд на толстяка: – Хочешь, прострелю ему ногу так, что он и шагу не сделает без такой симпатичной игрушки, как у меня? – Заур задрал брючину, продемонстрировав металлопластиковый протез.

Вообще-то, он блефовал, но...

Главное, это подействовало. Толстяк поспешно заявил, что все расскажет. Вот только голос изменил ему. Стремительно теряя силы, бандит уже не говорил, а лишь едва слышно шептал нечто невразумительное.

Просматривая сводки за истекшие сутки, Заур увидел его на видео, снятом скрытыми камерами во время уличного ограбления. И сразу узнал. Он помнил эти бородавки и обнаженные в вечном оскале зубы, они снились ему по ночам.

И вот палач нашел грешника.

Он склонился над ним, чтобы услышать ответы, которые прольют свет на мрак давней тайны:

– Что?.. Еще раз и четче.

И получил заточкой в сердце.

Ну, почти получил. Удар был выверенный, умелый. Толстяк знал, куда бить, профи, и даже потеря крови не сказалась на его навыках. Вот только Заур отбил ладонью в черной коже смертоносную сталь. Толстяк тотчас ударил вновь – Заур подставил руку. Заточка с хрустом вошла в предплечье сантиметрах в пяти от локтя и застряла.

И тут мальчишка кинулся на него, выставив перед собой нож.

Заур в одно движение отобрал довольно грозное оружие – такое лезвие проткнет в меру упитанного мужчину насквозь – и скрутил пацану руки за спиной. Тот, кстати, сопротивлялся отчаянно и едва не вырвался, да и вообще был значительно сильнее, чем казался со стороны.

² Закон суров, но это закон (укр.).

Что ж, первое впечатление часто бывает обманчивым, уж кому, как не Зауру об этом знать. В какой-то момент палачу даже показалось, что он борется вовсе не с ребенком, но со здоровенным мужчиной со стальными мышцами. Пришлось вырубить мальца ударом в челюсть. Похоже, сынок толстого под кайфом. Заур слышал, что некоторые наркотики могут вызвать неимоверный всплеск агрессии. Чертовы джанки!

Усмирив мальца, палач заметил у него на запястье часы. Прищурившись, прочел название: «Bregguett». Выглядят как дорогие. Небось под сотню евро стоят. Сам-то Заур время смотрел на экране планшета, зачем на себе лишнее таскать?.. В общем, украл стервец малолетний у кого-то, не иначе.

А значит, часы надо конфисковать и сдать в участок.

Закончив с сыночком, Заур вернулся к папаше.

На лице у того отразились удивление и даже страх – ведь палач смотрел на него чуть ли не с улыбкой, никак не отреагировав на ранение заточкой. А ведь ему, слуге Закона, должно быть больно, очень больно!

Заур снял перчатку с левой руки, из которой торчал заостренный кусок металла – вроде спица от велосипеда, и пошевелил искусственными пальцами. Суставы едва слышно поскрипывали, когда он так делал.

– Рука, нога... У меня таких штук много. Так что не будем терять время, верно?

Толстяк вроде бы кивнул.

– Как звали твоего командира? Где его найти?

Нет ответа.

Ясно, разговор по душам не получился. Жаль, очень жаль... Заур отщелкнул от поясного ремня сканер-планшет и, почувствовав вялое сопротивление, приложил к девайсу ладонь бандита. Экран ожил, засветился голубым. Заур убрал с него чужую руку. На светлом фоне четко проступили темные отпечатки пальцев, а через секунду планшет пискнул, и вместо папилярных узоров появились текст и фото, на котором толстяк выглядел куда моложе, но ничуть не привлекательнее. Бегло пробежать глазами, изучить инфу: зовут так-то, год рождения, служил в Северной Африке, попал в поле зрения властей во время подавления Чернобыльского бунта под руководством Максима Краевого по прозвищу Край, такого-то года рождения, срок за...

– Край?... – Заур оторвал взгляд от экрана.

Макс Край уже много лет не только во всеукраинском розыске, он – преступник мирового уровня, его ищет Интерпол. И этот толстый урод-грешник, промышляющий гоп-стопом в городских трущобах, – сообщник знаменитого преступника?

– Все из-за Края... – пробормотал вдруг толстяк отчетливо. – Это Край во всем виноват. Это он...

И замолчал.

Заур коснулся его горла, хотел нащупать пульс – не сумел, толстяк был уже мертв. Палач поднялся. Хорошо, что малец без сознания, а то кинулся бы к труп, обнял, разрыдался бы. Ни к чему эти сопли.

Во всем виноват Край... Заур задумался. Что имел в виду толстяк? Неужели сам Макс Край руководил той группировкой, что устроила резню в центре столицы десять лет назад?

Все из-за Края.

Из-за Края.

Макс Край...

Палач мотнул головой, прогоняя наваждение – он вновь вернулся в пылающий ад Крепачатика, в грохот автоматных очередей и залпов из гранатометов. Масштаб случившегося тогда вполне в духе преступлений Краевого, тот ведь не разменивался по мелочам.

Что ж, сомнения прочь, враг определен. Теперь осталось только найти его, объявить приговор и покарать. Всего лишь. Столько лет за Краем охотятся, ищут этого возмутителя спо-

койствия, бунтовщика, беглого зэка – и никак, а Заур с ним справится на раз-два-три? Ну, не смешно ли, а, Заур?

А вот ничуть.

Грешнику Краевому удавалось уйти от правосудия лишь потому, что лучший палач Киева не объявлял ему вендетту.

– Жди, Край, я скоро.

Осенив крестным знамением тела на полу и поднеся планшет к уху, – в девайс встроен телефон – он вызвал труповозку, а потом, взглянув на мальчишку в дырявом свитере с Микки Маусом, набрал Ильяса, известного на весь Киев рабовладельца, заведующего дорожными работами:

– Приветствую, это Заур. Ах, знаешь, номер забит? Вот это хорошо и верно. А скажи-ка, Ильяс, есть ли у тебя оранжевый жилет маленького такого размера?

Хоть какая-то от пацана будет польза обществу...

Глава 2

Между Африкой и Азией

– Макс... – Пауза. Потом всхлипы. – Макс, наш сын... Патрик пропал. И тишина в телефоне, а потом гудки – Милена отключилась.

Я протяжно выдохнул. Пальцы, сжимающие трубку, побелели.

– Что-то случилось, босс?! – Охранники выглядели озабоченными и готовыми кинуться в драку хоть с самими дьяволом и с господом богом, если те меня обидели. Хорошие мужики, не зря я тщательно подбираю персонал.

– Порядок, парни. – Я подмигнул им. – Просто надо чаще вспоминать об отцовских обязанностях.

И со спокойной совестью отбыл к столику и любимому кожаному дивану, где без меня томились в ожидании юные красотки. Хотелось приятной компании, в которой я был бы самым умным, самым успешным и самым опытным – для этого как нельзя лучше подходили девицы, только-только отметившие день рождения, после которого их можно считать взрослыми.

Умостившись поудобнее, я небрежно погладил брюнетку – кажется, ее зовут Тамара – по коленке и предложил блондинке – все так же ни малейших предположений касательно имени – налить всем первосортной выпивки. От радости едва не выпрыгнув из мини-юбки, последняя плеснула себе и подруге вискаря на три пальца.

– За здоровье! – Стаканы столкнулись, и я, даже не поднеся стакан к губам, вырубил мобильник.

Поймите меня правильно, я не бездушная скотина, как может показаться на первый взгляд, просто истеричные вопли Милены касательно Патрика я слышу по три раза на неделе. И каждая новая проблема – срочная, не терпящая отлагательства. Как-то она решила, что наш мальчик угодил в дурную компанию, с которой пропадает все вечера. Как выяснилось, он записался в кружок филателистов, где корпел над зубчатыми кусочками бумаги, даже не подозревая, насколько его друзья-очкарики опасны и плохо на него влияют. А еще был случай – моя бывшая с какого-то перепугу определила Патрика в геи и доставала меня четверо суток кряду, чтоб я убедил его сменить ориентацию. Помню, Патрик тогда психанул и, приведя девчонку-соседку, подрабатывающую в сфере интимных услуг, попытался на практике доказать родителям, что он – гетеро. Милена тогда чуть в обморок не грохнулась... И это еще самые безобидные истории!

Короче говоря, срываться с низкого старта и мчать на другой конец Вавилона, потакая фантазиям вздорной бабы, у меня не было ни малейшего желания. Сегодня я решил оторваться по полной, о чем громогласно и заявил под восторженный визг моих дам. Потому-то у притопавшего на шум охранника и были опущены очи долу, когда он протягивал мне трубку радиотелефона:

– Вас, босс.

Почему я не удивился, услышав голос Милены?

– Макс, он записку оставил: «Мама, не жди меня». Представляешь, такое написал – мне! А ведь я для него...

– И все? – Надеюсь, мой голос был настолько холоден, что его впору колоть на куски и ронять в стаканы с напитками.

– Нет, не все! – Жар, с которым это было сказано, растопил бы всю Антарктиду. – И рисунок еще!

Ни разу на моей памяти сын не проявлял склонности к живописи, поэтому я нахмурился:

– Какой еще рисунок?

– Да тут коряво, не пойму. То ли птица какая-то, то ли ангел...

Ангел? Рисунок на пакетике с наркотой, там тоже был ангел... Почему-то нелепое совпадение заставило меня взволноваться не на шутку. Даже сердце кольнуло, чего со мной вообще никогда – до сего момента – не случалось. Плохая примета, когда видишь двух ангелов за день.

– Милена, жди! – прохрипел я. – Сейчас приеду.

– Макс, ты опять за свое?..

– Я действительно приеду, – пообещал я бывшей супруге.

Подмигнув девчонкам на прощанье и потребовав ни в чем себе не отказывать за мой счет, я подхватил со стола пачку бамбуковых зубочисток и двинул к выходу, бросив через плечо:

– Скоро вернусь, не скучайте!

Ответные воздушные поцелуи еще не успели сорваться с напомаженных губ, а дамы уже заставили официанта писать диктант на тему «Икра, шампанское и еще это, но без хлеба и побольше». Молодцы девчонки, не теряются.

На ходу я сунул руку под куртку – на месте ли мой любимый пистолет и пара запасных магазинов к нему? Не то чтобы я поверил в исчезновение сына, но... В отличие от оружия душа моя была не на месте.

Ничего, сейчас я спущусь в гараж, сяду в свой Танк, по-быстрому сгоняю и...

Вот только планам моим не суждено было осуществиться.

Танк, именно так уменьшительно-ласкательно я зову свой джип, отсутствовал: ни колес его, ни бампера, ни даже девственно чистой пепельницы я не обнаружил. Неужто угнали?!

– Твою мать! – с чувством и, как выяснилось, с толком выругался я. – Кто?! Башку отверну!

Как по заказу, виновный – на голову, минимум, выше – шагнул ко мне из темноты.

* * *

Многие считают, что у палачей совсем нет чувства юмора.

Хм... Хотите профессиональный анекдот? Не проблема. Приходит палач вечером с мешком, в котором что-то шевелится. Жена спрашивает: «Дорогой, а что это ты принес?» А он отвечает: «Да так, взял халтурку на дом». Не смешно? Бородатая шутка?

Зато Заур отлично стреляет.

Оружие – словно часть его тела. Лишиться стволов – все равно, что остаться без рук. В случае Заура – без руки и протеза.

Вот потому-то спустя час после инцидента в подвале он затеял скандал с местной СБ в Борисполе. Эти сволочи отказывались пустить его на борт с пистолетами-пулеметами, пусть даже такими маленькими, как «микро-узи». И Знак не помог, пришлось-таки сдать оружие. Хорошо, что купил новый плащ – взамен тому, что с прострелянными карманами, а то вообще бы на борт не пустили.

Палач занял свое место в самолете до Харькова – так в Киеве по старинке называют Вавилон. Перед самым взлетом планшет завибрировал – пришло здоровенное письмо от начальства, еще не ведающего о том, что Заур взял отпуск за свой счет. Тема мыла с кучей вложений: «Твой крестник».

Что бы это значило? Пожав плечами, палач запустил первое видео из аттача.

И обомлел.

Планшет – снимали встроенной камерой – плясал в руке оператора. Сначала Заур решил, что кое-кому не стоит употреблять перед работой и во время оной, но потом... Потом изображение стабилизировалось. Автофургон рабовладельца Ильеса – примечательный, с решетками на окнах – завален на бок. И такое впечатление, что по нему хорошенько потоптались. Камера ближе, видно, что двери выдраны – металл именно порван. «Тросом, что ли, подцепили?...» –

слышен голос за кадром. Внутри фургона тоже не все в порядке: поручни, к которым обычно крепят рабов наручниками, вырваны «с мясом». Под скамейкой – труп в черной униформе надсмотрщика, шея свернута так, что покойный перед смертью полюбовался собственной задницей.

Камера назад, прочь из фургона.

Кусок дороги отгорожен переносными заборчиками в бело-красную полоску. Табличка «Осторожно! Ремонтные работы!». Сразу за оградой кого-то кладут на носилки и несут к «скорой помощи».

Камера делает поворот на сто восемьдесят градусов. Перпендикулярно к двойной сплошной застыл каток для укладки асфальта, камера ближе, что-то под катком, еще ближе... Камера резко дергается в сторону, слышны специфические звуки. Уж сколько Заур видел мертвецов, но такое... Его самого едва не стошнило. Конец файла.

На следующем видео перед камерой зелено-бледное лицо Ильяса. Снято в палате интенсивной терапии, все белое вокруг, стерильное. Даже то, что белым не должно быть. Когда Заур видел Ильяса в последний раз, волосы у него были чернее сажи, а сейчас – сплошь седые, точно его неудачно покрасили в блондина.

Из его невнятного бормотания следовало, что мальчишка, переданный Зауром, от работников сбежал, причем в процессе покрошил кучу народу. Катком – тоже он. И это, хоть и с натяжкой, еще как-то можно было представить. Но потом Ильяс понес полную чушь о том, что в пацана стреляли и попали не раз, даже в голову попали, но тот не умер, и вообще не мальчик это вовсе, но настоящее чудовище, и так далее, и тому подобное, и прочий совсем уж маловразумительный бред. Не надо быть спецом, чтобы понять – Ильяс рехнулся.

Но что же произошло, черт побери?!

– Вы не могли бы выключить свой девайс? – Улыбаясь от уха до уха, над Зауром нависла стюардесса: слишком короткая юбка, слишком глубокий вырез декольте и чрезмерное количество косметики на лице.

Палач непроизвольно отодвинулся и – пальцы его дрожали – вырубил планшет.

Воздушное путешествие стало для Заура испытанием на стойкость. Только самолет оторвался от бетонки, как стюардесса, это ходячее прелюбодеяние, принялась строить ему глазки и всячески искушать. Она предлагала ему напитки и еду и – что за намеки?! – спрашивала, удобно ли в кресле, нужен ли плед. И при этом всю улыбалась и чуть ли не подмигивала. Пока не осенил блудницу крестным знаменем, не отстала.

Хорошо хоть и часа не прошло, как самолет начал снижаться. Заур помолился, чтобы местная ПВО не открыла огонь по собранному в Бразилии «Embraer 145», принадлежащему «УкрАвиа». Прецеденты бывали.

При посадке чутков трянуло. «Счастливого пути, спасибо, что воспользовались услугами нашей компании», – сказала стюардесса на прощание, и Заур вновь перекрестил ее.

Все, он в Вавилоне, государстве в государстве, поделенном на множество мелких, но очень воинственных анклавов.

Двадцать лет назад из-за глобального экономического кризиса мир охватили бунты и революции, которые следовало без промедления подавить. На тот момент Украина должна была уже чуть ли не всем и каждому. А кредиты с процентами все-таки надо возвращать. И потому ООН обязало страну поставлять своих бойцов на всеобщую арену войны.

Едва заметно прихрамывая, Заур неспешно шел через здание аэропорта, глядя по сторонам.

Вам нужен образ мирового полицейского в любой точке земного шара? Взгляните на парня лет двадцати, что покупает порножурнал в киоске слева. У него выбрит череп, он до сих пор носит песчаный камуфляж и после заграничной командировки обзавелся инвалидной

коляской. Свыше половины населения Вавилона – ветераны, по стране процент ниже примерно вдвое.

Каждый гражданин мужского пола, достигший призывного возраста, обязан явиться в военкомат и отправиться воевать туда, куда пошлют. Взамен на регулярные поставки пушечного мяса Украине каждый год прощают часть долга. И все бы хорошо, вот только по остатку опять растут проценты, и они в разы больше того, что скостили...

– Пшел прочь с дороги! – Толкнув в плечо, Заура обогнали двое обнявшихся парней. Оба в полубоморочном состоянии, оба в камуфляже и мотоциклетных кожаных куртках – прямо-таки близнецы-братья. Вот только у одного в длинные волосы, выкрашенные в черный цвет, вплетены орлиные перья – то есть он «американец», а у второго повязка-хатимаки на бритом черепе, значит – «азиат». Судя по яростному алкогольному духу, исходящему от парочки, неподалеку есть бар с дешевым пойлом.

Вернувшиеся на Родину бойцы поначалу сбивались в солдатские товарищества, организовывали общества защиты прав ветеранов, пытались законным путем добиться справедливости... Увы, государству было не до них. Так появились первые преступные группировки, состоящие исключительно из бывалых парней, прошедших огонь, воду и вооруженные конфликты за границы.

Вскоре Украина была разбита на сектора, контролируемые различными кланами, боевики которых научились убивать и грабить в Азии и Африке, в Южной и Северной Америке, в Австралии и чуть ли не во всей Европе. С тех пор отправка юношей на войну перестала быть позорным ярмом, возложенным ООН и Всемирным Банком, но превратилась в ритуал, пройдя который, юноша – мужчина! – получал право стать членом клана.

Заур догнал парочку и незаметно сделал подножку. Бойцы дружно растянулись на мраморном полу.

Но были еще в этой стране те, кто не мог служить в армии и не хотел воевать на чужбине на ненужной и часто несправедливой войне. Именно эти люди стали основой законной власти, стремительно теряющей свое влияние. Они стали костяком правоохранительных органов новой формации. Там, где Закон не действовал, где все подчинялось неписаным традициям кланов, эти люди стали одновременно полицейскими и прокурорами, следователями и судьями.

И палачами.

Ведь именно они приводили приговоры в исполнение.

Тюрем не стало, и чуть ли не любая провинность могла караться смертной казнью – исключительно по воле и желанию палача, трактующего Закон по собственному разумению.

В Штатах смертный приговор осуществляют пятью способами на выбор клиента: вас могут расстрелять, повесить, отправить в газовую камеру – мечта токсикомана, уступить место на электрическом стуле или вколоть в вену смертельную дрянь. Здесь все проще: палач убивает вас как умеет и как может с помощью чего только угодно и где ему заблагорассудится. И никакого последнего желания и прочей фигни.

Палачами пугают непослушных детей. Их боятся и ненавидят.

Их убивают, обрекая целые районы на ответные карательные операции, когда с воздуха наносится удар, когда жилые коробки заливают напалмом и обстреливают пушками, – на оружие для палачей государство не скупится.

На полу, матерясь, безуспешно пытались встать в дым пьяные ветераны. Как ни в чем не бывало Заур продолжил свой путь к выходу из здания аэропорта.

Палачом мог стать только тот, кто не служил в армии и потому не мог стать членом солдатского братства. Часто это были закомплексованные, не пользовавшиеся популярностью у сверстников молодые люди, или же те, чье состояние здоровья не позволяло им отработать долг Родины за границы – инвалиды детства, калеки.

Как Заур, к примеру. Давно отринув все суетное, он сконцентрировался на главном – на борьбе с грешниками, то есть с преступностью. Отборочные комиссии охотно рекомендуют в палачи людей набожных, – вне зависимости от религии или конфессии. Считается, что такие граждане менее склонны к коррупции...

У раздвижных стеклянных дверей стояло десятка два представителей местных кланов. Все вооружены. Все внимательно разглядывают прибывших. Если кто-то не понравится, его отводят в сторону и устраивают допрос – мужчину в костюме и с дорогим кейсом только что выдернули из толкучки у двери. Слишком представительно выглядит, с него потребуют дополнительную плату за посещение местных достопримечательностей – и вообще, делиться надо.

Между Вавилоном и палачами пять лет назад вспыхнула настоящая война, после которой город негласно получил статус территории, не подконтрольной правительству и Закону. И потому, отправляясь сюда, палач Заур весьма рисковал. Впрочем, вся его жизнь – сплошной риск.

Шаг.

Еще шаг.

Он все ближе к мужчинам, на лицах которых застыла хмурая сосредоточенность. В руках у них автоматы. Пристальные взгляды ощупывают лицо Заура, он это ощущает чуть ли не физически. Справа от него кто-то громко чихает, слева разрыдался маленький ребенок. Душно. В здании отвратительная вентиляция.

– Можно вас, – это не вопрос, это требование подойти, подкрепленное наведенным в живот стволом. – Да, вы. В плаще который, с короткой очень прической.

Приторно вежливо. Опасно вежливо. Вежливо на грани издевки и за гранью. Заур остановился. Сзади в него кто-то уперся и, недовольно бормоча, обошел преграду.

– Пшли все прочь с дороги! – В собрание представителей кланов ворвалась давешняя пьяная парочка. Началась потасовка с воплями «Да я за тебя, сопляк, воевал, а ты!..» Тычок кулаком в рожу тому, кто заинтересовался Зауром, ответный удар прикладом – и понеслось.

Пока суть да дело, Заур выбрался из здания.

Город встретил его ночной прохладой, ревом такси, криками торговцев, не спящих, кажется, никогда, и запахом шашлыка из ближайшего кафе. Это кавказский сектор, населенный ветеранами множества войн и беженцами-горцами.

Палач двинул мимо кафе: по одну сторону дастарханы, по другую столики из белого пластика. Он уже заметил среди немногочисленных посетителей старика, глаза которого прикрыты черными солнцезащитными очками. Одна дужка отломана и прикручена скотчем. Черкеска на старике сплошь в дырах, на голове, поросшей седым пушком, тубетейка. К столу, за которым он сидел, прислонена трость, предназначенная не для опоры, но для поиска пути.

В каждом городе есть такой вот человек, сидящий всегда на одном и том же месте. Просто надо знать, где этого очень, кстати, полезного гражданина найти.

Именно он-то сейчас Зауру и нужен.

* * *

– Твою мать! – с чувством выругался я, не обнаружив свой полноприводный Танк. – Кто?! Башку отверну!

И тут же двухметровое тело шагнуло ко мне из дальнего угла гаража, где на прошлой неделе перегорела лампочка и до сих пор было темно.

Весьма опрометчиво делать резкие движения в моем присутствии. С пистолетом я не расстаюсь даже в ванной. Иногда мне кажется, что я родился уже со стволом в руке и мишенью перед глазами, а пеленки у меня были цвета хаки.

Рукоятка привычно легла в ладонь, предохранитель звонко шелкнул, намекая, что кое-кому пора на тот свет.

– Босс, не стреляйте. Это я...

Выслушав сбивчивый доклад моего геометрического сотрудника, я схватился за голову:

– Ну вот как?! Как можно было разбить Танк?!

У поставщика сломался грузовичок, вот секьюрити и проявил инициативу, решив на моем Танке сгонять быстро туда-обратно за парой-тройкой ящиков текилы, самбуки и прочего вкусного. Вот только туда у него быстро получилось, а обратно – нет. Все беды из-за алкоголя!

Короче говоря, моя гламурная машинка 4×4 с прожекторами на крыше, тонированными стеклами и полным фаршем нынче отдыхает на СТО, где ей кое-что меняют, кое-что добавляют, и броня погнулась, и... Я жестом велел охраннику заткнуться.

Вызвать такси? Я печально вздохнул. Бизнес в последнее время не радует барышами. Молодежь предпочитает клубы, где вовсю толкают наркоту, амфетаминчики всякие в глазури, барбитуратики в коксовой стружке, а я...

– Босс, но ведь можно на троллейбусе... – брякнув это, гора мышц попятилась, выставив перед собой руки, каждая толщиной с мою ногу.

– Да чтоб я – и на троллейбусе?! – От возмущения меня чуть удар не хватил.

Бронированный джип для Макса Края не роскошь, но средство передвижения.

И вообще, только в Вавилоне я могу чувствовать себя в безопасности. Ну, более-менее. Здесь многие знают, кто я такой и сколько стоит моя голова там, за противотанковыми рвами с колючей проволокой, за минными полями Периметра, окружающего город. Я в международном розыске уже много лет, и срока давности по моему делу нет. Вот только выдать меня палачам сильные Вавилона сего не решаются, это противоречит негласным солдатским законам. Тот главарь клана, кто осмелится на сотрудничество с властями, проживет немного – против него ополчится собственная группировка, да и соседи с удовольствием выпустят ему кишки, предварительно повесив его на ближайшем столбе. Но все же находятся отчаянные ребятки, – пара-тройка в полгода – желающие на мне подзаработать. И потому я всегда на чеку, и в местном крематории у меня давно уже абонемент на внеочередную утилизацию трупов.

Этот город, этот асфальт под ногами и земля под ним принадлежат ветеранам, а значит – и мне!..

Примерно такие мыслишки роились в моем черепе, пока я топал к остановке. Пару раз по пути мне пытались продать семечки-орешки и столько же патроны и ножи, но не пистолеты с автоматами – такой товар просто так на улице не купишь... Вдоль дороги стояли здоровенные железные бочки, в которых горел всякий хлам – и освещение, и мусора поменьше.

Только я подошел к остановке, как подъехал троллейбус, от колес до «рогов» разрисованный граффити. Двери открылись, но вход в салон перегородил здоровенный негр с «калашом» в мускулистых руках – он принимал плату за проезд.

Я протянул этому вымогателю деньги.

В кармане защебетали летающие валькирии.

– Уже еду, – буркнул я в трубку и сразу отключился. Телефон прятать не стал, ведь позвонит сейчас опять.

Минута, две... Не позвонила. Хм...

Троллейбус плавно катил по улице, его то и дело обгоняли скутеры, на которых восседали подростки с подругами. В верхнем углу салона, у самой кабинки водителя, включился телевизор, в пути должный улаживать взоры и слух редких ночных пассажиров рекламой. Сначала на экране пухлощекий казак в вышиванке и с оселедцем на бритом черепе скорчил свирепую рожу: «Приди к нам – и ты забудешь, что такое страх!» Посыл как бы ясен – мол, мы даем тебе надежную защиту, мы любим тебя, брат. Правда, за покровительство клану надобно отдавать половину своего заработка, и это куда круче подоходного налога вместе с пенсионными отчис-

лениями. Так что далеко не все ветераны рвутся делиться честно – или почти честно – заработанным. Умные вожди военизированных группировок руководят исключительно тупыми, но жестокими ублюдками...

А вот и следующий ролик. Глава нового клана «Парадиз», наряженный в белые просторные одежды, вроде кимоно или сари, ослепительно улыбаясь, рассказал мне, что цель его сообщества свободных граждан – привнесение в наш жестокий мир добра и любви, любви чистой, а добра честного. И внизу экрана бегущая строка: «Святой отец Асахара». Однако каким надо быть ослом, чтобы взять себе имя того психа, что основал Аум Сенрикё?.. Ясно, очередной клоун создал секту, чтобы трахать молодых доверчивых послушниц. И я бы тотчас забыл о нем, если б он эдак величественно не повел рукой, продемонстрировав всем и каждому свои примечательные часики – «Bregguett», точно такие были у давешнего торговца наркотиками. Видать, неслабо зарабатывают основатели сект. Самому, что ли, податься в отцы-просветители? Наговорю банальностей о боге и любви, а мне за это принесут в жертву десяток девственниц и чемодан купюр крупного номинала...

Троллейбус притормозил у блокпоста. К нему тут же подбежала девочка в поясе шахида поверх паранджи. Дальше – сектор, подконтрольный афганскому землячеству. За традиционными мешками с песком в обнимку с пулеметами и РПГ сидели парни в пуштунках. Негр-контролер вышел к шахидке, протянул ей мзду за проезд по территории. Сжимая в кулачке купюры, девочка вприпрыжку, будто на ней не висело килограмма три взрывчатки, умчалась в темноту. Местных любящих родителей я отказываюсь понимать. Мне вообще не нравятся религиозные фанатики.

Но даже эти ребятки еще ничего в сравнении с той мразью, что контролирует район, где поселилась Милена. Вот уж нашла местечко. Но о вкусах не спорят...

Через три остановки я вышел.

Мимо промчался черный джип с примечательной оранжевой молнией от бампера до запасного колеса сзади. Тонированные стекла надежно укрывали пассажиров от чужого любопытства, которое бывает иногда оснащено скелетным прикладом и оптическим прицелом. Из салона доносился грохот музыки: басы, ударник, голос певца, безуспешно подражающего Бобу Марли.

Троллейбус пополз прочь, а ко мне тут же подрулила троица, раскрашенная белым с ног до головы. Одеждой эти парни себя не особо обременяли – им хватало лишь набедренных повязок. «Африканец» в деревянной маске воина с металлическими вставками направил мне в живот гладкоствольный помповик MAG-7, произведено в ЮАР. Остальные в любой момент готовы были убить меня давно потерявшими национальность «калашами». Кстати, все трое не брезговали и холодным оружием. Масайский меч с длинным клинком, сужающимся к основанию, нечто серповидное из Заира, еще какая-то стальная хрень... Ах если б только эти игрушки парни привозили из вечно бунтующей Африки. Так ведь еще СПИД тянут и кучу экзотических болезней типа шистосомоза и лихорадки Эбола, а вещмешках с трофеями провозят нелегалов – мохнатых пауков и многоножек, одно лишь прикосновение к которым чревато химическими ожогами и пожизненными рубцами на коже.

– Салют, девочки. Отлично выглядите. Штанишки, я смотрю, у вас модные, и макияж...

Язык мой – враг мой.

В ответ мне пригрозили врага отрезать и скормить собакам. Я примирительно задрал лапки кверху – мол, ничего такого, уже и пошутить нельзя. Парни-то совсем зеленые, в Вавилоне, по всему, недавно, только из командировок заграничных вернулись. Меня ж в этом районе хорошо знают и потому не рискуют обижаться на мой юмор.

– Оружие сдай. – Такие на территориях кланов обычаи: свои вооружены, пришлые – нет. Потом, отваливая, забираешь свой ствол.

Что ж, правила есть правила, не я их устанавливал, не мне и нарушать. Я медленно сунул руку под куртку и вынул «Форт 14 ТП» с прикрепленными уже тактическим фонарем и глушителем. Люблю, знаете ли, когда светло и тихо. Затем, смирившись с утратой, – надеюсь, временной, – я выковырял из пачки зубочистку и сунул ее в рот. Острый кончик с ментоловым напылением – это то, что мне сейчас нужно.

Границы территорий кланов обычно обозначены заборами из колючей проволоки, часто – под током. Но бывают еще заборы из бетона, с пулеметными вышками и танками, раскаты-вающими вдоль... Тут все зависит от фантазии руководства клана. Город поделен на секторы, и самовольно нарушать государственную границу – занятие смертельно опасное.

– Не обижайте моего мальчика, я его очень люблю. – Помимо пистолета я протянул «африканцу» в маске запасные магазины.

– Ты любишь мальчиков?! – Донеслось из-за деревьев с дырами для глаз и рта.

М-да, шутка не удалась.

Махнув рукой, – мол, не принимайте близко к сердцу – я резво потопал прочь от останки, миновав калитку в заборе из «колючки». А то еще посчитают меня достаточно аппетитным – от молодых да ранних всего можно ожидать. Тут ведь территория одного из самых жестоких военных сообществ. Ветераны африканских конфликтов вернулись домой, переняв обычаи тех, кого они убивали. Канныализм – в том числе.

Метрах в пятидесяти справа и слева у забора горели очередные костры в бочках, там тоже посты.

Я взглянул на экран мобильного. Ни одного пропущенного вызова, не разрядился. Странно, что Милена не позвонила еще хотя бы пару раз. Это не в ее стиле.

Я двинул к панельной высотке, в которой она поселились вместе с Патриком.

У нужного мне подъезда как раз под светящим всюду фонарем стоял тот самый джип с оранжевой молнией, который я недавно видел. Совпадение?..

За рулем сидел тип с той еще рожей. Стекло было опущено, поэтому я хорошенько рассмотрел шрам ото лба до подбородка, бородку, усы и тонкие губы. Мне очень не понравилось, что тип проводил меня внимательным взглядом. В салоне, несмотря на позднее время, все так же грохотала музыка. Певец, выводивший рулады а-ля Боб Марли, вряд ли когда-нибудь станет известнее своего кумира.

Я помахал рукой водиле джипа, перед тем как вошел в темный подъезд. Для того, кто бывал здесь не единожды, не проблема на ощупь вызвать лифт.

С жутким скрипом створки разошлись. В кабинке едва светила крохотная диодная лампочка и воняло мочой и паленым пластиком. От расплавленных кнопок мало что осталось, но я знал, на которую следует нажать, чтобы эта душегубка, затрясшись в пароксизмах, потащи-лась наверх и выпустила меня на седьмом этаже.

Лифт остановился. Створки вновь заскрипели, вот только на середине пути их заклинило. Пришлось вручную разжимать, чтобы выбраться в коридор, – обычный такой, пронизывающий весь этаж по горизонтали. Стены выкрашены в зеленый, на потолке побелка и галогенные лампы, под ногами много окурков, стреляные гильзы... В общем, все как везде. За одним исключением – не так много в Вавилоне мест, где на пути у меня встали бы двое «африканцев», вооруженных гладкоствольными ружьями «Protecta» с барабанами на двенадцать патронов. Кстати, эти парни вовсе не негры, они родились в нашей богом забытой стране и говорят по-русски и по-украински чуть лучше, чем пишут, а писать они вообще не умеют. Просто служили в Африке, где-нибудь в Эфиопии или Конго, а потом, вернувшись на родину, вступили в соответствующее ветеранское братство. У них бусы и амулеты на шеях, одеты они в длинные просторные туники. Особо я их не рассматривал, потому как у меня напрочь пропадает любопытство, когда мне в грудь тычут стволом дробовика.

– Типа сюда нельзя. – «Африканец», тот, что слева от меня, продемонстрировал подпленные зубы.

– А почему? – Я всегда умело косил под дурачка. У меня к этому природная склонность. И тут я услышал крик Милены, который резко оборвался. Будто ей зажали рот.

* * *

Прежде чем подойти к слепому старику, Заур решил оглядеться, прикинуть маршруты спешного, если понадобится, отступления. И вообще надо понять, что тут и как. У вояк это называется «провести рекогносцировку».

Позади остался вход в терминал, над которым еще можно различить затертую ветром и осадками надпись «МІЖНАРОДНИЙ АЕРОПОРТ». Несмотря на позднее время, площадь перед терминалом буквально кишела людьми. Клан, контролировавший воздушные перевозки, неплохо тут развернулся. Ожидая проезда на взлетное поле – к транспортникам, выстроилась целая очередь из грузовиков. Водители «маков» и «КамАЗов», стоявших в хвосте очереди, сплошь мужчины в кимоно и прочих азиатских халатах, выбрались из кабин и, сбившись в группку, курили, что-то шумно, с хохотом обсуждая. Все были вооружены.

И не только водители.

Вообще все, кто попадал в поле зрения Заура. Даже у дошкольного возраста пацанвы, шнырявшей возле кафешного мангала, на ремнях болтались отнюдь не пустые ножны.

Запах шашлыка заставлял трепетать ноздри, намекая, что кое у кого уже сутки не было во рту ни маковой росинки, ни хот-дога с горчицей и кетчупом. Правда, аппетита могло лишиться то, что барашка, нынче нанизанного на шампуры, прямо на глазах у посетителей подняли за задние ноги и ножом чиркнули по горлу – кровь плеснула в подставленное ведро и мимо, смешавшись с пылью под ногами бородатого резчика, попав на граффити, рисунок краской на асфальте – фигурку крылатого ангела.

В Вавилоне вообще было много ангелов. Заур заметил на полке бара в кафе, поверх бутылок, глиняных ангелочков размером от наперстка и до полуметра. Он вошел под брезентовый навес, интимный полумрак под которым создавала единственная лампочка. Мимо с подносом в одной руке и с бутылкой в другой проскользнула юная мулатка. «Angel» – гласила надпись под крылатым рисунком на ее футболке, обтягивающей внушительные молочные железы. Палач отвел взгляд. Слишком много ангелов. От белых крыльев зарябило в глазах. Местная мода показалась ему странной.

Или же это знак свыше?..

Палач двинул к столу, за которым сидел старик.

Точнее – уже не сидел.

Заур застыл на месте.

Куда подевался пожилой грешник? Палач завертел головой, метнулся к столу, схватил подвернувшуюся кстати мулатку-официантку за локоть и тут же отдернул руку:

– Тут был старик, слепой, с тростью, где он?!

Официантка лишь пожала плечами и спросила, что он будет заказывать.

Заур опустился на стул, еще теплый после слепца, провел ладонью по лысому черепу, покрытому многочисленными шрамами.

И услышал:

– Нам два кофе, милочка. Без сахара.

Со стула напротив на него таращились черные солнцезащитные очки со сломанной дужкой, прикрученной скотчем. Седой пушок на голове старика прикрывала тубетейка. Трость слепец прислонил к столу. Надо признать, он сумел застать палача врасплох. Зауру даже

немного не по себе стало. На миг опытный слуга Закона почувствовал себя беззащитным мальчиком рядом с этим тщедушным тельцем в дырявой черкеске.

Официантка, блудливо покачивая бедрами, упорхнула выполнять заказ.

Заур молча положил на столешницу перед слепцом еврокупюру. Слепец чуть коснулся ее пальцами и, покачав головой, не взял. Ого, а расценки в Вавилоне еще те! Палач добавил столько же – старик смял деньги в горсти и сунул в карман.

– Что бы вы хотели узнать? – Голос у старика был уверенный, без присущего возрасту шамканья.

– Для начала... – Заур привычно сунул руки в карманы плаща и поморщился, вновь не обнаружив там парочку пистолетов-пулеметов. – Отец, продай оружие. Мне бы ствол какой, только хороший.

– Это не мой бизнес, милоч. – В голосе старика прозвучало легкое раздражение, точно Заур ляпнул что-то очень глупое, и теперь всем вокруг стыдно за него.

– Тогда все новости за последние два дня, – сменил тему палач.

Кивнув, – мол, задача ясна – слепец начал говорить.

Дважды он прерывался, когда к нему подбегали те самые чумазные мальчишки, что носились у мангала, и, косясь на Заура, что-то шептали ему в ухо. Эти малыши – посредники между стариком и теми, кто все видит за него, кто докладывает обо всем, что было, есть и будет в Вавилоне. А старик, продав новости клиентам вроде Заура, на вырученные деньги кормит ораву бездомных шпанят-«глаз», из которых обязательно вырастут грешники, презирующие Закон. Но сейчас дед и компания делают благое дело, помогая палачу разведать обстановку в городе, узнать, кто тут нынче самый крутой грешник, ну и вообще. Осведомители и СМИ – ничто в сравнении с ними.

Официантка принесла кофе, но ни Заур, ни слепец не притронулись к щербатым чашкам. Старик все говорил и говорил, его голос убаюкивал палача. Но лишь прозвучало заветное слово «Край», Заур встрепенулся. Важно узнать, где обретается этот закоренелый преступник, нуждающийся в особом подарке – пуле в голову. Расспросы до добра не доведут, а значит как-то исподволь, невзначай...

Поразительно, но слепец заметил интерес клиента.

– Послушай, милоч. – Он уперся ладонями в стол и подался вперед, приблизив свои очки к толстеньким линзам визави. – Я знаю: ты хороший человек, хоть и палач.

Заур медленно обернулся, кинув взглядом по сторонам. Не услышал ли кто? Кавказец-бородач поливал очередную порцию шашлыка красным вином. Посетители кафе выпили и закусывали. Вроде спокойно, никто не спешит вздернуть или всего лишь четвертовать палача.

Встать бы да исчезнуть, пока старик не поднял шум. Или...

Увы, он ничего не успел предпринять. Сверкнув в свете лампочки, длинное – не меньше метра – лезвие молнией метнулось к его горлу и застыло, слегка коснувшись кожи. Непростая у старика трость, с секретом. Не только тропу божий одуванчик в тубетейке ею прощупывает, но использует еще как ножны для смертельного оружия, с которым управляется мастерски. Стоило слепцу ошибиться хотя бы на пару миллиметров – и Заур уже истек бы кровью.

В кафе повисла тишина. Посетители застыли с вилками у ртов.

– Милочка, нам бы еще кофейку, – распорядился старик.

И все вновь пришло в движение, будто ничего не случилось. Заточенная сталь слилась с ножнам, став обычной с виду тростью.

– Да, кофейку. – Заур решил тут посидеть еще. Уютное заведение, приятный собеседник... Он коснулся кадыка – вроде цел, еще поживет палач во имя Закона, и сына, и святого духа.

– Я знаю, милоч, ты ищешь Края. Зачем он тебе – не мое дело. Но Краю нельзя мешать, ему надо помочь. Несложно вычислить, куда он направится и к кому в лапы попадет. А потом...

Никто тут – ни Край, ни его враги – не ведает, какое зло угрожает Вавилону! Нет, всему миру! Это зло надо остановить!

Палач нахмурился. Ему очень не понравилось то, как быстро вроде бы адекватный старик превратился в жалкого безумца, бормочущего бессмысленную чушь.

Опершись на плечо подбежавшего мальчишки, слепец поднялся и двинул к выходу.

Напоследок он обернулся, будто его солнцезащитные очки хотели еще разок взглянуть на палача:

– Хочешь найти Края – найди его жену.

Заур залпом выпил две чашки кофе подряд.

* * *

Кричала Милена, никаких сомнений. Уж ее-то вопли я узнаю везде и всегда, наслушался...

Надеюсь, на моем лице ничего лишнего – интереса или тревоги – не отразилось.

Выставив перед собой ладони, – всеобщий знак смирения, понятный даже пигмеям в джунглях, – я улыбнулся во все тридцать два с пломбами, едва зубочистка не выпала:

– О, у вас тут что-то серьезное, а мне неприятности не нужны.

И повернулся, чтобы уйти.

– Топай, да. – «Африканцы» тут же опустили ружья. Вообще, делать этого не рекомендуется ни в коем случае, пока опасность точно не миновала. А уж со мной вблизи подобная беспечность напрасна вдвойне. И чем уж точно не стоило озадачиваться, так это попыткой проводить меня пинком под зад.

Я перехватил голень того, у кого зубы подпилены так, чтоб удобней было рвать сырое мясо, – вовсе не курятину, кстати – и задрал максимально вверх, чем помог каннибалу потерять равновесие и взвиться в воздух.

– Презент тебе. – Пока любитель человечины падал, я выхватил изо рта зубочистку и воткнул ему в горло. – Пользуйся. – И молниеносным движением, как учил меня давным-давно «любимый» сержант Петренко, отобрал у него дробовик.

Второй «африканец», хоть и не был замечен в особом прикусе, все равно получил алюминиевым прикладом в челюсть, что подействовало на него очень умиротворяюще. Его дробовик тоже стал моим трофеем. Оба ствола я снял с предохранителей по пути к квартире Милены. Приблизившись, я увидел, что дверь самую малость приоткрыта. Так-с, теперь изо всех сил пнуть ее и зычно гаркнуть: «Всем оставаться на местах!» Точно, так и сделаю. Я набрал в грудь побольше воздуха и...

Дверь отворилась сама. Из квартиры в коридор вывалились двое «африканцев»: оружие за спиной, чтобы не мешало тащить брыкающийся груз – связанную скотчем по рукам и ногам удивительно тихую Милену, одетую лишь в ночнушку и трусики. Онемела она из-за кляпа во рту – ее же кружевного бюстгалтера. Всего двое парней смогли совладать с этой фурией в юбке? Однако бывшая моя не молодеет, рефлексy уже не те... Судя по яростному блеску ее глаз, она поняла, что именно я сейчас о ней подумал.

– Похищать старушек – плохая примета, – пожурил я парней.

Милена задергалась сильнее. Ее длинные светлые волосы, собранные в пучок на затылке, рассыпались, накрыв собой лицо, аппетитную еще грудь и плоский живот. На ее месте я бы тоже обиделся и сделал все, чтобы добраться до хама и показательно унижить его в ответ. А для начала всего-то надо было вырваться из нежных объятий «африканцев». Что она с успехом и проделала: пальцы парней разжались, моя благоверная плюхнулась пятой точкой на пол и тут же, извернувшись змеей, – не ужиком, но коброй – вскочила на ноги.

Вот что значит – правильный стимул!

Прыгая, – лодыжки-то связаны – она устремила ко мне.

«Африканцы» схватились за оружие. Сместившись так, чтобы Милена не оказалась на линии огня, я выстрелил первым. Залп дробовиков слился в один основательный ба-бах. Результат – два тяжелых ранения в живот. Уж куда попал. За миг до этого моя благоверная б/у предусмотрительно растянулась на полу. Знает ведь, что снайпером я никогда не был и уже не стану.

Переступая через алые лужи и держа дробовики наготове, я подошел к парням. Ближайший ко мне раз за разом хватался за револьвер за поясом, но мокрая от крови рука соскальзывала с рукоятки. Повесив дробовик на плечо, я помог ему – сам вытащил ствол и отбросил подальше. Ведь он этого хотел, правда? Аналогично я разоружил и второго «африканца», не подававшего признаков жизни, – беспорядочные конвульсии не в счет.

Тем временем Милене надоело валяться на окурках и стреляных гильзах. Иначе чего бы она вновь и вновь пыталась встать? Если на тебя истратили пару рулонов липкой ленты, подняться не так-то просто. Глядя на ее старания, я решил, что освободив ей руки, смягчу свою вину. Дальше справится сама.

– Край, ну ты и сволочь! – Чего и следовало ожидать: первым делом она избавилась от кляпа, чтобы высказать все, что обо мне думает. Небось хотела нарваться на достойный ответ и устроить перебранку с перестрелкой из автоматического оружия и даже битьем посуды.

Ладно еще, когда пули свистят у виска, но я терпеть не могу, когда сервизы пролетают над головой. Так что я смолчал в ответ. Да и не стоит тратить время напрасно, его у нас не так уж много. Грохот выстрелов слышали все жители высотки, включая глухих и коматозников. Вот потому ни один квартиросъемщик в коридор не выглянул, на помощь пострадавшим не поспешил – все заняты: звонят, кому следует, чтобы натравить на меня и Милену каннибальскую кодлу.

Пока моя бывшая супруга чествовала мою покойную маму, я вернулся к «африканцу», который еще дышал, хоть и хрипло. Надо расспросить его о том о сем.

– Дружище, а тебе что больше нравится – ошеек, – наклонившись, я хлопнул себя по загривку, а потом чуть ниже спины, – или филе? Я вот, к примеру...

Грохнул выстрел. Пуля пролетела в каких-то сантиметрах от моего черепа. Развернувшись на месте, я навел дробовики на того, кто едва не избавил меня от дурных мыслей вместе с мозгом.

Милене повезло, что я не нажал на спуск.

Стреляла она, кстати, вовсе не в меня, а в «африканца», в теле которого после этого стало на две дырки больше – во лбу и на затылке.

– Чертов ублюдок! Он меня лапал! – Милена опустила револьвер – тот самый, что я вытащил из-за пояса покойного.

Ну что за человек, а?! Она ноги еще не освободила, по колени в скотче, а уже успела сделать глупость!

– Любимая, – издали начал я, – ты, наверное, знаешь, кто эти молодые люди и зачем ты им понадобилась?

В ответ она лишь фыркнула.

Так я и думал. А чего еще ждать от женщины в том возрасте, в котором маразм уже норма?

Склонившись над трупом, я проверил содержимое его карманов. Поговорить нам не дали, может, хоть так добуду инфу?.. Мятые купюры, портсигар с самокрутками, пахнущими вовсе не табаком, засаленная визитка ночного клуба «Азия». И все. Хм... Визитка... С каких это пор «африканцы» заглядывают к конкурентам, чтобы бахнуть по сто и постоять под музыку?.. Уронив кусок картона с текстом и рисунком-пагодой на труп, я поглубже вдохнул – и решительно вошел в квартиру своей бывшей.

Да так и застыл, сделав всего шажок-другой вглубь.

Все было перевернуто вверх дном. Тут и там валялись вещи – такое впечатление, что налетчики задались целью опорожнить каждый шкаф и ящик, завалив содержимым пол и диван. Немного, правда, в концепцию налета не вписывались картонки из-под пиццы, сваленные в углу, и гора грязной посуды в раковине. «Африканцы» что, заглянули к моей блаженной, дабы испортить себе желудки общепитом?..

– Эти парни искали что-то конкретное? – спросил я у Милены, вошедшей следом. – Или просто все подряд громили?

– Ни то, ни другое. С чего ты вообще взял?

Понятно. Кое-кто до сих пор терпеть не может прибираться. Если моей бывшей позволить выбирать между домашним хозяйством и каторгой – не сомневайтесь, она проголосует за строгий режим с пожизненным заключением. Порядок в этой квартире обеспечивает исключительно Патрик, наш сын, но он по версии Милены пропал... Черт! Теперь я воочию убедился, что мой пацан давно не был дома.

– Любимая, ты звонила друзьям Патрика? Что они говорят?

Опять фыркнула. Не знает друзей сына. Стыдоба, мамочка называется...

Впрочем, я тоже помню лишь пару мальчишек: одного, кажется, Михаилом или Мигелем звали, а второй, вроде бы, Ли. Или Ким?.. И номеров своих телефонов они мне не давали, к сожалению или к счастью. Я шагнул к столу сына. Ноутбук, постер полуобнаженной певицы из новомодных однодневок, зарядка для мобильного... Из-под ноутбука что-то выглядывало. Я протянул руку, чуть приподнял девайс...

И обмер.

Там лежал пустой пакетик из прозрачного полиэтилена с изображением ангела. Такой же, только полный, я уже видел сегодня в «Янтаре» и даже конфисковал – ну, почти – у торговца наркотой.

Неужели мой сын подсел на дурь?!

Перед глазами все поплыло, во рту стало сухо. Едва сумев унять дрожь, я незаметно для Милены спрятал пакетик в карман. Не хватало еще воплей о том, какой я плохой отец и что все из-за меня. Вот найду Патрика, поговорю с ним, а уж потом... Нет, я отказываюсь верить, что мой сын – поганый джанки. Он ведь знает, как я ко всей этой дряни отношусь, он не мог...

А если все-таки?

Где обычно молодежь берет наркоту? В клубах.

А у налетчика в кармане лежала визитка клуба «Азия»...

Вряд ли это совпадение. «Косоглазые» боссы частенько привлекают для своих темных делишек бойцов из кланов попроще, чтобы не мараться и не портить репутацию очень уж крутых парней. Представители африканского братства лишь наемники в этом деле. По крайней мере, очень на то похоже. А значит, мне стоит прогуляться в «Азию» и немного там потусить.

Чего такого Патрик натворил, раз местная помесь триады и якудзы послала боевиков к нему домой? Задолжал денег за наркоту? Эх, сынок! Всыпать бы тебе ремнем по мягкому месту, да поздно уже, вырос...

– Любимая, ты как хочешь, конечно, но я бы рекомендовал тебе съехать отсюда. – Оставив ей один из трофейных дробовиков, я направился к двери. – И как можно скорее.

Как она сумела враз отыскать в завале вещей свою сумочку, ума не приложу.

– Спрячься где-нибудь, я позвоню. – Я двинулся по коридору так быстро, что почти бежал.

– Спрятаться?! Зачем?! Я ведь с тобой, я... – Окончание фразы утонуло в скрипе створок лифта, они закрылись, и кабинка поползла вниз. Развлекать бывшую супругу в ночном клубе не входило в мои планы.

Зато выбраться из подъезда без проблем – очень даже входило.

Увы, эти планы нарушила автоматная очередь. Пули врезались в воздух там, где долю секунды назад в дверном проеме показался мой организм. А в том, что я еще жив, виновата моя супруга. Это она помогла мне уйти из-под огня. Успев обуться и сменить ночнушку на облегающее кремовое платье, она, не дожидаясь лифта, спустилась по лестнице – так хотела наподдать мне за то, что я кинул ее. И наподдала ведь, – меня буквально вышибло из подъезда, я на ногах едва устоял. Зато пули прошли мимо. А второго шанса убить себя Макс Край никому не дает, ибо это плохая примета.

Выпрямившись, я жахнул из дробовика по джипу с молнией, водила которого решил вдруг закосить под крутого киллера. Наполовину опущенное стекло забросило в салон осколками, перемешанными с дробью, попутно этой же смесью наштапиговав красавчика со шрамом на роже.

– Извини, дружище, но на твои похороны я не приду. – Я самонадеянно решил, что выпи-сал ему путевку в мир иной. И ошибся.

Открылась дверца, из джипа выпало тело и, несмотря на раны, мало совместимые с жизнью, вскинуло «ингрэм». Похоже, киллер намерен продолжить начатое, а то и закончить.

Оглушив до звона, у меня возле уха добротнo громыхнуло – Милена оказалась быстрее недобитого водилы. Автомат его стукнулся об асфальт, никому больше не угрожая.

Собрав волосы в пучок на затылке, моя бывшая фыркнула:

– Вечно, Край, мне приходится тебя спасать!

В ответ я решил гордо промолчать.

Мой Танк в ремонте, а раз водила джипа с молнией вел себя столь агрессивно, то я, пожалуй, конфискую его транспортное средство. В качестве моральной компенсации.

Страхнув с сидения битое стекло, я забрался в машину. В бардачке обнаружилась бутылка вполне приличного вискаря. Радионуклиды из организма мне выводить не надо, но... Давненько я не развлекался так, что аж трясет от переизбытка адреналина в крови. Плюнуть, что ли, на зарок и отхлебнуть прямо из горлышка? От нервов самое то, а за рулем ведь нервничать нельзя...

Пересилив себя, швырнул бутылку в окно. Ее осколки органично вписались в натюрморт прочего мусора на асфальте.

Интуиция подсказывала мне, что надо убираться, и что мой любимый пистолет уже не вернуть – он останется у мальчишек с блокпоста как добрая память обо мне, ибо этот сектор Вавилона теперь закрыт для Макса Края надолго.

Отворив пассажирскую дверь, Милена плюхнулась рядом. Если бывшая супруга спасает тебе жизнь, как-то не годится уезжать без нее.

– Чего ждешь? – Она поставила дробовик на предохранитель. – Двигай уже! Кстати, а куда мы?

– В клуб. – И мы поехали.

Я ткнул пальцем во встроенную аудиосистему, салон наполнило тягучее регги. Когда-то я любил такую музыку, но те славные времена уже не вернуть. Лучше уж радио, есть одна станция... Ага, оно самое. В динамиках заиграло, запело: «А сын грустит о матери, а сын грустит о матери. Ждет сына мать, а сыновей Земля...»³

– В какой еще клуб?! Край, в своем уме?! Сын пропал, жену едва не похитили, а тебе все гулять?!

Сворачивая за угол дома, я увидел в зеркало, как к подъезду, у которого остался лежать киллер, подружили сразу пять тачек. Вооруженного люду из них высыпалось немерено. Что-то не похоже на «африканцев». Но все равно мы отвалили вовремя. Еще чуть-чуть и...

– Край, ну кто так ездит?! Тебя что, черепаха родила?! Ну обгоняй уже!

³ Слова из песни «Трава у дома» ВИА «Земляне» (автор текста – А. Поперечный, музыка – В. Мигуля).

Я знал, что так будет, потому и не хотел брать Милену с собой.

Чтобы отвлечься от ее выкриков, я сосредоточился на дороге и том, что происходило за бортом джипа. Ночью движение в Вавилоне весьма насыщено: не только солидные тачки сигналият, но обгоняют друг друга жуткие доисторические рыдваны и еле ползут телеги, запряженные буйволами, – обычное зрелище, никого им не удивишь. Рикши победнее бегом тащат за собой повозки с пассажирами. А те, кто побогаче, крутят педали...

На границе кланов нас не остановили, обошлось без досмотра. Видать, примечательную тачку я взял напрокат, раз бойцы не решились потребовать с ее пассажиров мзду.

– Край, ты права купил, да?!

В нашем славном городе много разнообразнейших закусовых. На каждом углу продают шаурму, ароматно дымят мангалы, на которых жарят шашлык из любого – хоть из верблюжатины или канарейки – мяса. Вот китайский ресторанчик. А справа – блинная. Хотите пиво из кегов? Не проблема, хоть чай из самоваров! Жирный плов и самса из тандыра. Суши и кузнечики. Экзотика приелась – деталь повседневного быта. Вот настоящий борщ попробуй найди. И каждый повар в белом халате и в грязном, заляпанном кровью переднике, кричит, зазывает отведать его фирменное блюдо, самое вкусное, вкуснее нет ни у кого. На ломаном русском кричит, иначе будет «твоя мая не понимай»...

Подъехав к клубу «Азия» и заглушив движок, я злорадно покосился на Милену – у нее ведь пропал повод критиковать мое водительское мастерство. Ну да она быстро найдет, чем это компенсировать.

Пафосное местечко. Когда-то тут был супермаркет, от которого осталась лишь большая парковка с разметкой. Самое же здание снесли и построили нечто вроде пагоды в семь этажей, украшенных искусственными драконами. А вот тигры в клетках у входа были самыми настоящими. Панды, жрущие побеги бамбука за стеклянной стенкой вольера, выглядели здоровыми и довольными жизнью. В прудике кишели карпы. Все на уровне, декор мне понравился. Патрик связался с прощелыгами, которые умеют отдыхать. Вот только хорошо это или плохо? В любом случае мой клуб все равно лучше... да просто потому, что он мой.

– Край, я, конечно, доверяю твоему чутью, но на кой мы сюда приперлись?

Плохая примета, когда Милена начинает меня хвалить.

– Ты ж сама сказала, любимая. Петь, гулять и танцевать. Веселиться, одним словом.

Только мы собрались выйти из джипа, как на стоянку буквально влетели тачки, битком набитые разъяренными «африканцами». Черт, не надо было оставлять визитку на трупе!

На угнанный мной джип нацелились десятки стволов.

– Выйти из машины! – взревел здоровенный негр, потрясая волосами, заплетенными, наверное, в миллион мелких косичек. Это он мне и Милене. По тому, как себя держит, как грозно руками машет, негр у каннибалов за главного: все ложками лопают, а он – черпачком. Интересно, сколько шампуня за месяц этот этнический пожиратель человечины выливает на прическу?

– Люди! Сograждане! Друзья! Только не стреляйте! – пригнувшись за дверью пониже, крикнул я. – Тут же панды! – И в знак своих добрых намерений выбросил оба дробовика на асфальт. Все равно толку от них нынче – ноль с дыркой от бублика. Слишком много народу явилось по наши души.

Меня и Милену споро выволокли из джипа, уложили лицами в разметку.

– Друзья, давайте обсудим ваши претензии. – Политики уверяют, что все проблемы можно решить с помощью дипломатии. А чем я хуже политиков? – Уверен, мирный диалог поможет нам...

Как «азиаты» окружили «африканцев», я не видел – занят был, асфальт в сантиметре от своих глаз рассматривал. Но все же я почувствовал, что ситуация изменилась. Да и вообще хорошая примета, если вас перестают лупить ногами по ребрам.

Оторвав от парковки лоб, я прикинул, что хозяев-«азиатов» вдвое больше гостей клана. Это как минимум. И вооружены они не только традиционным стрелковым оружием, но и мечами всякими, копьями, нунчаками и еще какой-то хренью. А боссом у них мужичок, лица которого я не рассмотрел из-за широкополой черной шляпы с вышитым на тулье драконом. Комплекция мужичка мне показалась смутно знакомой. Где-то мы уже виделись. Вот только где?.. И была ли приятной наша предыдущая встреча?

Негр велел своим опустить оружие.

– Зачем вы здесь? – прошелестел «азиат».

Меня подняли и поставили перед ним – следовательно, вопрос не к «африканцам».

– Давно хотел посетить ваше заведение. Говорят, оно крутое. И оформлено круто. И ступеньки крутые. И кухня крутая: даже яйца вкрутую...

– Достаточно, – прервал меня «азиат» и обернулся к негру: – Это мои клиенты.

– Не просто уже заказ! Он убил моих людей! Брата моего убил и угнал его тачку! Он должен ответить! – Негр свирепо уставился на «азиата», а тот не отвел взгляда.

Пауза затянулась. Наверное, «азиат» считал, что сказал достаточно и не хотел повторяться.

Негр скис и кивнул своим, чтобы отваливали: у них, дескать, нынче дела, но потом... Плохая мина при плохой игре. Мне даже стало его немного жаль – еще пара таких промахов, и его ребята выберут себе нового главаря. «Африканцы» принялись загружаться в тачки.

– Ну и отлично! – обрадовался я. – Нам, пожалуйста, самый лучший столик. Яйца вкрутую я не люблю, а вот омлетик с удовольствием бы...

– Ко мне их, – так и не показав мне свое лицо, велел «азиат».

Его бойцы, кстати, и не думали опускать оружие. Нас обыскали.

– Эй, это средство личной гигиены! – возмутился я, когда у меня отобрали зубочистки и чувствительно толкнули прикладом в спину.

Хорошо хоть не мечом.

Глава 3

Встреча выпускников

Босой, он стоит в центре недавно подстриженного газона. Пахнет скошенной травой. Ее ухоженная зелень радует взгляд, приятно касается ступней и лодыжек. Там, откуда он родом, много зелени – не такой, но все-таки. Перед ним, возвышаясь амфитеатром, застыли в ожидании тысячи молодых людей. Они жаждут просветления. Их лица то устремляются к небу, будто повинуюсь одному на всех импульсу, то опускаются так, чтобы видеть его, святого отца Асахару, наместника бога на Земле, явившегося из глубин нирваны, из небытия, из-за облаков, – кому как больше нравится – чтобы помочь заблудшим и наставить на Путь Истинный.

Важно, чтобы они, уже *особо* подготовленные, вняли ему и полностью открылись. Для этого следует максимально использовать органы чувств послушников. Для начала зрение – Асахара разводит верхние конечности (руки, напоминает он себе, так они называются), закрепив их перпендикулярно торсу. Теперь он – живой крест, облаченный в белый шелк, соприкосновение которого с кожей дарит приятные ощущения.

Далее – слух. Из легких воздух попадает на голосовые связки, те вибрируют, рот открывается, рождая слова:

– Дети мои!

Возраст внимающих Асахаре – двенадцать-семнадцать лет. Проще говоря, перед ним собрались подростки. Сознание опытных и мудрых не годится для манипуляций. Другое дело, чистый материал, не оскверненный еще жизнью, переполненный энергией множества страстей. Самое то, чтобы использовать во имя Всеобщего Единения.

– Мы вместе, чтобы нести добро погрязшим в несправедливости!

Асахара видит, как на глаза парней и девушек наворачиваются слезы. Им кажется, что они – мессии.

Им жаль этот мир. Жаль себя.

– А что есть добро? Что есть свет? – Он начинает покачиваться подобно маятнику, амплитуда пока едва заметна, но именно что пока. Толпа, не осознавая, повторяет его движения.

– Добро есть любовь. Любовь есть свет! А все вместе – энергия!

Рот святого отца открывается сам собой. Речь – и вообще ритуал – рассчитана до мелочей, чтобы воздействие было максимальным. Запах травы усиливается. От тысяч разгоряченных тел к небу, подсвеченному прожекторами, струится волнами тепло. Дыхание послушников становится порывистым. Кто-то вскрикивает, кто-то стонет. У кого-то начинаются судороги, идет пена изо рта; это допустимый брак.

Наконец святой отец говорит:

– Любите друг друга, просветляйте.

Сознание его тотчас устремляется вперед, набрасывается на парня лет четырнадцати, а то и старше. У парня ярко-голубые глаза и светлые волосы завитушками, придающие немного женственности его поджарому, мускулистому телу с широкими плечами. Заметная цель. Асахара подчиняет его волю, забивает ее в дальний темный угол подсознания и протягивает чужие, крепкие не возрасту руки к девушке, стоящей слева. Из темного угла приходит сигнал, что избраница некрасива, ведь засаленные волосы, лицо, покрытое прыщами, и откровенные излишки веса – вовсе не признак привлекательности. Но физические недостатки юных самок святому отцу, мягко говоря, без разницы. И потому захваченное тело бросает в жар, позвоночник превращается в раскаленный стальной стержень, твердость которого передается в пах, и это больно, мучительно больно, но в то же время ослепительно сладко. Асахара выпускает парня из угла, чтобы тот прищурился, ибо лишь так можно смотреть на самое прекрасное

существо во вселенной, не опасаясь сжечь сетчатку неумолимым сиянием спасающего мир света. Парень дрожит от восхищения, и его эмоции передаются по толпе во все стороны, точно светловолосый голубоглазый подросток – эпицентр взрыва.

Напряжение нарастает, потому что разрядка запрещена – ничьи губы не должны сомкнуться, телам запрещено соприкасаться. Любовь, которую проповедует святой отец Асахара, нельзя осквернять. Нельзя ослаблять напряжение. Принцип простой: смотри, но не трогай.

Асахара делает взмах рукой – прощальный отблеск сапфирового стекла его часов на запястье, – и прожекторы вырубаются. Подростков и газон окутывает непроглядная ночная мгла. Луна спряталась за облаками, Млечный Путь забыл о Земле.

Секунда, две, три – над толпой появляется легкое, точно дымка, голубоватое сияние, в котором змеятся едва заметные молнии-разряды. Отчетливо пахнет озоном.

Еще миг – и дымка вместе с толпой исчезает в ослепительно-белой вспышке, заставившей Асахару отвернуться. А потом, когда глаза начинают хоть что-то различать, видно, что к позвоночникам и черепам подростков подведены разноцветные пучки проводов, и тела наливаются светом, и кажется, что свет этот исходит от костей, от черепов, что он прорывается сквозь плоть и кровь и устремляется по проводам, которые ведут... И вновь вспышка. И опять.

– Добро есть любовь. Любовь есть свет! – Асахара опускается на газон, ноги не держат. – А все вместе – энергия!

И кому какое дело, что с каждой вспышкой его лицо все больше искажается, оплывает, точно воск горящей свечи?

* * *

«Объявленный в международный розыск преступник-рецидивист Максим Краевой по прозвищу Край и его бывшая жена Милена (девичья фамилия неизвестна) убили мужчину (убитому около тридцати лет), состоящего предположительно в так называемом Африканском клане – незаконном вооруженном бандформировании (террористической организации), имеющем представительства по всей территории Украины. После чего Край и Милена завладели транспортным средством убитого (джипом черного цвета неустановленной марки) и скрылись в неизвестном направлении». Так в протоколе изложил бы Заур, потребуй от него начальство описать случившееся у дома, где жила бывшая супруга Края.

Палач стал свидетелем короткой перестрелки и угона, но никак не мог помешать очередному злодеянию лютого грешника Краевого: Заур до сих пор не обзавелся оружием. Неввероятно, но в городе, переполненном стволами, не так-то просто купить даже самый паршивый ПМ.

Предложения купить у случайных прохожих автомат или хотя бы обрез – прохожие были вооружены до зубов – неизменно приводили к угрозам отправить сумасшедшего лысого очкарика на тот свет. Граждане Вавилона представить себе не могли, что кто-то в своем уме рискнет выйти на улицу с одними лишь кулаками для самозащиты. Заур чуть было не отнял АК-103 у девчонки лет двенадцати, но вовремя одумался – и вовсе не потому, что ее подружки, лузгая семечки и надувая пузыри жвачки, могли его пристрелить, но исключительно из-за нежелания брать на душу очередной смертный грех.

Кстати, насчет протокола для начальства. В одном палач слухавил – о том, что направление, в котором скрылся джип, ему неизвестно.

Но – по порядку.

Догнав слепого старика в тубетейке, Заур за отдельную плату – за спасибо – узнал адрес подруги Краевого: «Африканский сектор, улица Второй Пятилетки, дом 2А, пусть Край выпустит тебе кишки, проклятый палач!» Правда, старик долго отказывался от сотрудничества,

даже саблей своей размахивал и мальчонку-поводыря науськивал задать Зауру трепку – очевидно, так он набивал цену. Получив по загривку, малец вмиг растерял боевой запал и скрылся с глаз долой. А старик стал сговорчивее, лишь только гость Вавилона отобрал у него заточенную железяку. Потом отдал...

Сердце палача радостно трепетало: небывалая удача – только прилететь и сразу напасть на след преступника, которого не могут поймать уже много лет! Не иначе помощь ему оказана свыше!

Окончательно он уверился, что небеса ему благоволят, когда прибыл по адресу и увидел, как из подъезда вышел сам Край. Ну, не совсем вышел – скорее выпал, но какая разница?! Прямо на ловца зверь бежит! Непонятно, почему рецидивиста до сих пор не осудили и не привели приговор в исполнение? Поймать его – проще простого!..

Позже, вспоминая, как и что произошло, Заур понял, что там, у панельной высотки на улице Второй Пятилетки, его обуяла гордыня. Сам того не заметив, он запятнал свою бессмертную душу. Далеко не впервые запятнал, ведь убивать палачу приходилось много раз, и он знал, что обречен на адские муки. Впрочем, Заур готов нести свой крест до конца жизни и далее, в загробном мире.

Но тогда...

Лишь только Край показался в дверном проеме, из джипа, припаркованного у подъезда, открыли огонь из автоматического оружия.

«Гром Господень поразил преступника!» – преждевременно решил Заур. Но сам дьявол в женском обличье хранил Края. Блудница, обладающая поистине нечеловеческой привлекательностью, спасла его, толкнув – и тем самым, заставив пригнуться.

Все произошло очень быстро. Только прозвучали выстрелы – и вот уже грешники умчались на чужом джипе, лишь смрадный выхлоп клубится. За действием наблюдали чуть ли не все жители высотки, с нескрываемым интересом пялясь из открытых окон и чуть ли не выпадая наружу.

Заур со всех ног рванул к труп «африканца», возле которого валялся «ингрэм» – компактная игрушка, столь обожаемая членами преступных сообществ. Палачу никак без оружия. И уж тем более никак в чужом – враждебном! – городе, святилище зла и порока.

Однако Заура опередили.

Из-за угла дома, рыча движениями, выскочили пять тарантасов, собранных из металлолома и бытового мусора. Ржавые выхлопные трубы зачем-то – для устрашения? – обмотали колючей проволокой. Над головами водителей на приваренных к дугам стальных трезубцах из арматуры торчали человеческие черепа, выкрашенные черным и желтым. А бампер того багги, что едва не отдал Зауру ноги, был измазан отнюдь не гуашью, но свежей кровью – неподалеку явно произошло ДТП с летальным исходом. Помимо трех таких багги в состав банды на колесах входили два мотоцикла, неимоверно трещащих и страдающих метеоризмом – из труб их то и дело с грохотом вылетали клубы черной вонючей копоти. Да и от их наездников воняло так, что куда там выхлопу, будто жили они на помойке, жрали гнилье и пили из луж. А вот одеты эти парни были совсем не оригинально. Ну, кого в Вавилоне удивишь клепанymi кожаными куртками и армейскими штанами? Только безногий тут не ходит в ботинках с высокими берцами. И уж точно безрукий нанес на лица бандитов корявые татуировки. В носах, ушах и бровях у них ржавели килограммы пирсинга. И мало того, что выглядели они как закоренелые грешники, так еще у каждого на груди болталась цепь с пентаграммой.

«Ингрэм» лежал в каких-то метрах от Заура. Но сейчас вряд ли стоило проявлять интерес к оружию и делать резкие движения.

При появлении банды любопытство обитателей дома резко пошло на убыль – окна на всех этажах захлопнулись, и ни одно лицо не прильнуло к стеклу. Что бы это значило? Мало ли в Вавилоне вооруженных отморожков? Эти особые, что ли?

Точно.

Они – парии среди изгоев. У всех палач заметил признаки вырождения. Какой клан примет в свои ряды карлика с такой злобной рожей, что хочется отвести взгляд? У другого грешника посреди лба моргал единственный глаз. У третьего на руке, сжимающей здоровенный топор, было шесть пальцев... У его соседа слишком длинные уши, а у парня в коляске мотоцикла... И кожа у всех – родная, не та, из которой куртки – болезненно светлая, почти молочная, точно они выбрались из преисподней, куда не проникают лучи божьего света.

Засунув руки в карманы плаща, Заур замер, давая банде возможность проявить себя, обозначить намерения. Было бы ошибкой самому заговорить с грешниками или, повернувшись к ним спиной, попытаться уйти. Он чувствовал, как взгляды уродцев сверлят в его лбу дыры. Не хватало еще, чтоб в затылке...

Жужжа моторчиком, к компании тарантасов присоединился новенький скутер цвета лайма – посланник из иного мира, где все хорошо, все счастливы. Появление его вызвало бурю эмоций: грешники дружно зарычали, заулюлюкали, кто-то захохотал, а карлик – так вообще пару раз жажнул в воздух из «калашникова», казавшегося в его коротких ручонках несуразно большим. А все потому, что на скутере прикатила мускулистая девица в кожаных штанах и черной майке. Популярная грешница, раз ее столь радостно привечали. Заур принял бы девицу за парня – из-за отсутствия даже намека на молочные железы и хоть какую-то привлекательность лица, если бы не бедра – вдвое шире плеч.

Она ловко спрыгнула с только что, похоже, угнанного скутера – слишком уж он отличался от остального транспорта банды. Виски блудница тщательно выбривала. Скуластое лицо ее с заметными надбровными дугами «украшал» макияж – нарисованные черной краской слезы.

– Здорово, лысик! – Приветствие она сопровождала гримасой, означавшей очевидно задорную улыбку.

Банда разразилась дружным хохотом. Карлик смеялся с протяжным повизгиванием, а шестипалый – со странным скрежетом, точно у него в горле проворачивались несмазанные шестерни.

– Лысик, давай-ка мне свои вторые глаза. – Девица протянула руку с намеком, что желает очки Заура. – И выворачивай карманы. Да и вообще раздевайся. Давай нам все, лысик.

Палач вытащил руку из кармана и провел ладонью, затянутой в перчатку, по своему изрытому шрамами черепу.

– Мне всего лишь нужен этот пистолет-пулемет, этот «ингрэм», и я уйду с миром. – Он смотрел поверх бандитов, точно не к ним обращался, а к закрытым окнам. – Иначе случится непоправимое.

Ответом ему был новый взрыв веселья. Заура удивил смех девицы, похожий на перезвон колокольчиков и никак не вязавшийся с ее внешностью и повадками.

Смутить палача насмешками не так-то просто, поэтому он продолжил:

– Покайтесь, пока не поздно. Оставьте гнусный промысел. Идите в монастырь и до конца дней замаливайте грехи.

На сей раз никто не засмеялся.

Девица шагнула обратно к скутеру и выкрикнула:

– Убейте его!

* * *

Если ночью тебя ведут по коридору, где на половине дверей висят таблички «Не беспокоить», но, судя по специфическим звукам, в номерах делают что угодно, но только не спят, поневоле решишь, что угодил в бордель. Пардон, в развлекательный комплекс повышенного комфорта и образцового обслуживания.

У одной из таких дверей нас остановили и еще раз обыскали – исключительно из-за Милены. Вроде не девочка уже, но надо отдать ей должное – все еще привлекательна, чертовка, вскружившая мне голову много лет назад... Я заставил себя отвести взгляд от ее стройных ножек и круглой попки, которую откровенно лапал толстенный боец-«азиат». Судя по багровым пятнам на щеках и яростному блеску глаз, Милена не в восторге от массажа ягодич, однако ей хватило ума смолчать.

Раздался щелчок. Я уже заметил, что на двери нет отверстия ни для обычного ключа, ни для магнитного. Ручка есть – чтобы табличку повесить... Неужели замок открывается лишь изнутри?

Дверь отворилась сама собой.

Нас втолкнули в просторное помещение.

Едва ощутимо пахло хвоей. Жалюзи на всю стену, – такое громадное окно? Большой шкаф. Дубовый стол – хороший, основательный. На столе матово-черный ноутбук, закрыт, и потому сперва я принял его за толстый кусок резины. Есть еще стулья и чудный барчик с бутылками разной формы и прелестного содержания. Мы попали в рабочий кабинет шефа мелкой фирмы? И это ее босс – на черепе у него приметная широкополая шляпка – сидит за столом в шикарном кожаном кресле, которому далеко, конечно, до моего любимого диванчика?

Головной убор начальника «азиатов» – до оябуна⁴ ему так же далеко, как отсюда до Альфы Центавра – начал меня раздражать. Начальничек очутился тут раньше нас, а значит, есть какой-то другой вход-выход?..

Притаившийся в дальнем верхнем углу кондиционер бесшумно разгонял потоки холодного воздуха по всему помещению. Не кабинет, а морозильная камера. Милена в свое летнем платье, не прикрывающем даже колени, зябко поежилась и одарила меня презрительным взглядом. Мол, Край, куда ты меня привез?! Впрочем, ожидать от тебя иного, Край, все равно что себя обманывать...

– Оставьте нас, – послышалось из-под шляпы.

Я обернулся. Дверь закрылась за вооруженными парнями сама собой. Небось стоит датчик движения. А когда я вновь посмотрел на начальника, он навел на меня пистолет. Причем сделал это ловко – оружие будто само собой возникло у него в руке.

– Это «Дезерт Игл Марк девятнадцать», калибр двенадцать и семь? Отличный выбор! – Я профессионально улыбнулся, подмигнул и показал большой палец, как обычно делаю, когда в моем клубе загулявшее тело требует дорогушей бурды, по мне не стоящей и копейки.

Увы, мой оскал не произвел впечатления на начальника. Он вообще никак на него не отреагировал – даже нос из-под своей отвратительной шляпы не высунул.

Вытащив из кармана бумажник, я сменил тактику:

– Вы хотите продать этот пистолет? Что ж, я с удовольствием рассмотрю ваше предложение, назовите цену...

Холеный палец начальника лег на спуск.

– Кто не рискует, тот не пьет коньяк, верно, Край?

Был один человек в моем прошлом, который говорил так, но он...

Палец выжал свободный ход спускового крючка...

Из ствола вырвалось пламя.

А потом «азиат» – у него действительно были раскосые глаза – наконец-то снял шляпу, сунул в губы сигарету и подкурил ее от зажигалки, внешне неотличимой от боевого оружия. Выпустив струю дыма, «азиат» хохотнул:

– Видел бы ты, Край, свою рожу! Ты чего, забыл? Ты ж мне сам эту зажигалку подарил.

⁴ Оябун – «вор в законе» в иерархии якудзы, авторитетный влиятельный преступник.

Целый ящик таких игрушек я нашел среди развалин военной базы повстанцев. Это было во время моей почетной обязанности в банановом раю. Тогда я эти «пистолеты» чуть ли не всем встречным раздавал. Чингизу тоже перепало.

– Я думал, дружище, ты погиб.

Когда мы виделись в последний раз, расклад для него сложился крайне неприятный. Он попросту не мог обмануть смерть, но... Там, где прошла наша молодость, невозможное частенько становилось обыденным.

– Не дожدهшься, Край.

– Ничего, я терпеливый.

Однако постарел Чингиз: морщины у глаз и на лбу, седые виски... Ну да а кто стал моложе? Живем ведь год за три, если не за пять... Короче, если кто не понял: босс клуба «Азия» – мой сослуживец, которого я когда-то спас на войне и который потом отплатил мне за это предательством. Вот почему мне показалась знакомой его наружность.

Встав из-за стола, как ни в чем не бывало, будто не было у нас старых счетов, он шагнул ко мне с распростертыми объятьями. Я, как водится, прижался к нему, похлопал по спине. Ни дать ни взять встреча друзей-однополчан.

Все бы хорошо, но я не доверил бы Чингизу собственный драный носок. К тому же, сюда меня привела вовсе не ностальгия, но желание найти сына.

И Чингиз наверняка знает, зачем я здесь.

– А ты помнишь, Край, как мы... – начал он, и понеслось.

Я не без удовольствия поддержал его игру: отчего бы и не вспомнить годы молодые, когда водка была вкусной, точки – горячими, а кровь – чужой?

– Выпьем, Край? – Чингиз шагнул к бару. Он подчеркнуто демонстративно не замечал Милену, которая, скрестив руки на груди, то и дело фыркала.

В движении он почему-то напоминал мне тигра, вроде того, что в клетке у входа в клуб. От него исходила аура опасности, он в любой момент мог атаковать, но его что-то сдерживало. Что?..

– По стаканчику, Край?

– Разве только сока. У тебя есть сок свежавыжатого апельсина? В это время суток очень полезен сок свежавыжатого...

Сообразив, что я не желаю с ним не то что употреблять, но жить на одной планете, Чингиз скривился и процедил сквозь зубы:

– Если ты сейчас же со мной не выпьешь, я пристрелю тебя.

Подтверждая серьезность своих намерений, он вытащил из-за пазухи пластиковый «Глок 17». Что-то слишком часто в последнее время на меня наводят оружие.

Я понимал, что это уже не бутафория, но удержаться было выше моих сил:

– «Игл» у тебя – зажигалка, а этот, наверное, водяной?

Все, перегнул палку. Чингиз сейчас выстрелит, вон как рожь враз покраснела.

– Перцовка есть? – выдал я за миг до того, как мои мозги расплескало бы по кабинету.

– А как же, – кивнул Чингиз, ставя пистолет на предохранитель. – Но пить будем сакэ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.